
От автора культовой «Песни Льда и Огня»
Джордж Р.Р. Мартин
Роджер Желязны, Уолтер Саймонс
Дикие карты
Книга 2. Козырные тузы
Книга-фантазия

Дикие карты

Джордж Мартин

Козырные тузы

«Эксмо»
1987

Мартин Д. Р.

Козырные тузы / Д. Р. Мартин — «Эксмо», 1987 — (Дикие карты)

«Козырные тузы» – вторая книга культового романа-мозаики Джорджа Мартина «Дикие карты». Сорок лет миновало с тех пор, как на Земле разразилась страшная планетарная катастрофа, и мир снова балансирует на краю пропасти. Полуразумное гигантское существо из глубин Вселенной, заключив союз с создателями смертельного вируса, замыслило уничтожить все живое на планете. И, как это ни парадоксально, у него есть помощники на Земле, последователи древнего культа, которые из поколения в поколение передают легенду о грядущем пришествии в наш мир космического зла. Казалось бы, планета обречена. Однако доктор Тахион, инопланетный ученый, тот самый, что четыре десятилетия назад в одиночку попытался помешать распространению вируса, поднимает на борьбу его жертвы – тузов, наделенных невообразимыми способностями…

© Мартин Д. Р., 1987
© Эксмо, 1987

Содержание

1979 6
Льюис Шайнер. Адские медяки 6
1985 26
Джордж Р. Р. Мартин. Джуб: Один 27
Уолтер Йон Уильямс. До шестого колена. Пролог 32
Джордж Р. Р. Мартин. Джуб: Два 34
Роджер Желязны. Я стал как прах и пепел 40
Уолтер Йон Уильямс. До шестого колена. Часть I 60
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Джордж Мартин
Козырные тузы

George R.R. Martin
WILD CARDS II. ACES HIGH
Copyright © 1986 by George R.R. Martin

© И. Тетерина, Л. Шабад, перевод на русский язык,2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1979

Льюис Шайнер. Адские медяки

Их было, наверное, с дюжину. Фортунато не взялся бы утверждать наверняка, поскольку они не стояли на месте, а пытались взять его в кольцо. У двоих-троих в руках поблескивали ножи, остальные были вооружены спиленными бильярдными киями, автомобильными антеннами – всем, что можно пустить в ход в драке. Джинсы, черные кожанки, длинные, зализанные назад волосы – как минимум трое из них подходили под расплывчатое описание, которое дала ему Кристалис.

– Я ищу некоего Гизмо, – сказал туз.

Они хотели оттеснить его с моста, но пока что не решались перейти к мерам физического воздействия. Слева от него выложенная брусчаткой дорожка уходила наверх, к музею Клойстерс. В парке было безлюдно – уже две недели, с тех самых пор, как им завладели уличные банды подростков.

– Эй, Гизмо, – проговорил один из них. – Что скажешь?

Значит, вот он каков – с тонкими губами и налитыми кровью глазами. Фортунато впился взглядом в ближайшего к нему парня.

– Убирайся, – велел он. Парень попятился; вид у него был нерешительный. Фортунато перевел взгляд на следующего. – К тебе тоже относится. Проваливай.

Этот оказался слабее – он развернулся и побежал.

Больше Фортунато ничего не успел. Острие кия устремилось ему в голову. Фортунато замедлил течение времени, перехватил кий и вышиб им из руки одного из нападавших нож. Он сделал вдох, и время снова побежало с обычной скоростью.

Теперь все явно занервничали.

– Уходите, – приказал он, и еще трое побежали прочь, включая и того, которого назвали Гизмо, – парень рванул вниз по склону, ко входу на станцию метро «193-я улица». Фортунато швырнул кий в обладателя еще одной финки и бросился вдогонку.

Они мчались под гору. Туз чувствовал, что начинает выдыхаться, и решился на выброс энергии, который оторвал его от земли и понес вперед по воздуху. Парнишка перед ним споткнулся и полетел кувырком. В позвоночнике у него что-то хрустнуло, обе его ноги конвульсивно дернулись. Через миг он был мертв.

– О господи! – выдохнул Фортунато, отряхивая с одежды пожухлую октябрьскую листву.

Полиция усилила патрулирование вокруг парка, хотя внутрь заходить не решалась. Однажды они уже пытались выбить ребятишек оттуда, и это стоило жизни двум полицейским. На следующий же день подростки вернулись обратно. Но патрульные следили за обстановкой и неминуемо должны были вмешаться и обнаружить тело.

Он обшарил карманы парня и нашел то, что искал, – медную монетку размером с пятицентовик, бурую, как подсыхающая кровь. Десять лет Кристалис и еще несколько человек караулили, не появится ли что-нибудь подобное, и вот прошлой ночью она увидела, как этот парнишка обронил монетку у нее в «Хрустальном дворце».

При нем не оказалось ни бумажника, ни чего-либо другого, на что стоило бы обратить внимание. Фортунато зажал монету в кулаке и поспешил ко входу в метро.

– Да, я ее помню, – кивнул Хирам, держа монету уголком салфетки. – Давненько это было.

– В шестьдесят девятом, – уточнил Фортунато. – Десять лет назад.

Хирам кивнул и прокашлялся. И без всякой магии было видно, что толстяку очень не по себе. Черная рубаха без пуговиц и кожаная куртка Фортунато не вполне соответствовали принятому в этом заведении стилю одежды. «Козырные тузы» смотрели на город с вершины Эмпайр-стейт-билдинг, и цены здесь столь же впечатляли, как и открывавшийся из панорамных окон вид.

К тому же он захватил с собой свое последнее приобретение, смуглую блондинку по имени Каролина, ночь с которой стоила пять сотен. Маленькая, но не хрупкая, с детским личиком и вполне развитым телом, эта девушка будила совершенно определенные чувства. На ней были обтягивающие джинсы и розовая шелковая блузка, на которой не мешало бы застегнуть пару пуговок. Стоило ей пошевелиться, как Хирам начинал беспокойно ерзать. Его смущение явно доставляло ей немалое удовольствие.

– Дело в том, что в прошлый раз я показывал тебе не эту монетку. Это другая.

– Поразительно. Просто не верится, что тебе попались целых две, и обе в таком хорошем состоянии.

– Думаю, ты смело можешь выражаться без обиняков. Я нашел ее у парня из одной из тех банд, которые наводнили Клойстерс. Она болталась у него в кармане. Первая попала ко мне от одного сопляка, который баловался оккультизмом.

Ему до сих пор было трудно об этом говорить. Тот парень убил трех его гейш: изрезал на куски в каких-то своих темных целях, которые Фортунато до сих пор так и не смог понять. Он продолжил жить своей жизнью, обучал своих женщин искусству любви, постигал тантрическую силу, которой наделил его вирус дикой карты, но в остальном вел себя тише воды ниже травы. Когда же это начинало ему надоедать, он проводил день или неделю, пытаясь раскрутить какую-нибудь зацепку из тех, что оставил после себя убийца. Монету. Последнее слово, которое он сказал, – «Тиамат». Еле уловимый след чьего-то присутствия, который Фортунато почувствовал на чердаке у мертвого мальчишки, но так и не смог распознать.

– Ты хочешь сказать, что в них есть нечто сверхъестественное? – спросил Хирам и метнул взгляд на Каролину, которая томно потягивалась в кресле.

– Я просто хочу, чтобы ты еще разок взглянул на нее.

– Ладно, – кивнул Хирам. Обедающая публика вокруг них позвякивала вилками и бокалами и переговаривалась – так негромко, что голоса напоминали журчание далекого ручейка. – Как я наверняка уже говорил, эта монета очень *похожа* на американский цент чеканки тысяча семьсот девяносто четвертого года, вышедший из-под кустарного пресса. Их могли украсть из какого-нибудь музея, нумизматической лавки или из частной… – Он умолк. – М-м-м. Ты только взгляни на это.

Он протянул монету и ткнул в нее пухлым пальцем, не касаясь, однако, поверхности.

– Видишь, вот здесь, в самом низу этого венка? Здесь должна быть дуга. Но на этой монете она похожа черт знает на что.

Фортунато пригляделся к монете, и на какую-то долю секунды ему показалось, будто он падает. Листья венка превратились в щупальца, кончик ленты раздвоился, словно клюв, дуга стала бесформенной плотью, кишащей множеством глаз. Фортунато уже видел такое прежде – в книге по шумерской мифологии. Подпись под рисунком гласила: «Тиамат».

– Тебе нехорошо? – забеспокоилась Каролина.

– Все в порядке. Продолжай, – велел он Хираму.

– Чутье подсказывает мне, что это подделка. Но кому надо подделывать монету достоинством в один цент? И почему фальшивомонетчик не позаботился о том, чтобы состарить ее хотя бы самую малость? Словно только вчера отчеканили.

– Не вчера, если это чем-то тебе поможет. Аура обеих говорит о том, что ими долго пользовались. Я бы сказал, им самое меньше лет сто, а то и под двести.

Хирам стиснул пальцы.

– Единственное, чем могу помочь, – это порекомендовать тебе одну женщину, которая разбирается в этих делах получше моего. Ее зовут Эйлин Картер. Она заведует небольшим музеем на Лонг-Айленде. Мы с ней одно время… гм, общались. На тему нумизматики. Она даже написала пару книжиц по оккультной истории нашей округи.

Он записал в блокнотике адрес и аккуратно вырвал листок. Фортунато взял бумажку и поднялся.

– Спасибо тебе.

– Послушай, как думаешь… – Он облизал губы. – Думаешь, обычному человеку безопасно хранить у себя такое?

– Например, в коллекции? – спросила Каролина.

Хирам опустил глаза.

– Конечно, когда ты разберешься с ними. Я заплачу.

– Когда с этой историей будет покончено, – пообещал Фортунато, – ты сможешь забрать их себе.

Эйлин Картер было хорошо за тридцать, и в ее каштановых волосах уже кое-где пробивалась седина. Она взглянула на Фортунато сквозь стекла очков в прямоугольной оправе, потом перевела глаза на Каролину. И улыбнулась.

Фортунато проводил с женщинами большую часть жизни. Каролина при всей своей красоте была особой неуверенной в себе и ревнивой, сидела то на одной диете, то на другой и неумеренно пользовалась косметикой. С Эйлин все обстояло совершенно по-другому. Появление в ее кабинете ослепительно красивой Каролины, похоже, вызвало у нее лишь легкое изумление. Что же до Фортунато – полунегра-полуяпонца в кожаной куртке и с непомерно раздутым благодаря вирусу дикой карты лбом, – то она словно бы и не находила в нем ничего необычного.

– Вы принесли монету? – спросила она.

Говоря с ним, Эйлин Картер смотрела прямо ему в глаза. Ему давно приелись женщины с внешностью моделей. У этой же был нос с горбинкой, веснушки и примерно с дюжину лишних фунтов. Но больше всего ему понравились ее глаза. Зеленые и блестящие, с маленькими лучиками морщинок в уголках.

Он положил монету на стол, и женщина склонилась над ней, пальцем поправила на переносице очки. На ней была зеленая фланелевая рубаха, вырез которой, насколько Фортунато смог разглядеть, также усеивали веснушки. От ее волос приятно пахло шампунем.

– Можно узнать, откуда она у вас?

– Долго рассказывать. Я – друг Хирама Уорчестера. Если нужно, он может поручиться за меня.

– Этого мне достаточно. Что именно вас интересует?

– Хирам сказал, не исключено, что это подделка.

– Секундочку. – Эйлин вынула со стеллажа у себя за спиной какую-то книгу. Двигалась она порывисто и полностью отдавала себя тому делу, которым была занята в данный момент. Она раскрыла книгу и полистала страницы. – Вот, нашла.

Несколько секунд женщина внимательно разглядывала обратную сторону монеты, покусывая при этом нижнюю губу. Губы у нее были аккуратные, четко очерченные и очень подвижные. Он вдруг поймал себя на том, что гадает – а каковы они на вкус?

– Вот она, – проговорила Эйлин. – Да, это подделка. Ее называют центом Бэлзама. Как здесь написано, в честь Черного Джона Бэлзама. Он отчеканил их в Катскилльских горах где-то на рубеже девятнадцатого столетия. – Она взглянула на Фортунато. – Похоже, это имя мне знакомо, только понятия не имею откуда.

– Черный Джон?

Она пожала плечами и снова улыбнулась.

– Можно мне оставить ее у себя? Всего на несколько дней. Может быть, мне удастся выяснить что-нибудь еще.

– Хорошо.

Из ее кабинета был слышен шум океана, и от этого все происходящее казалось чуточку менее зловещим, чем на самом деле. Он дал ей свою визитку – ту, где было указано только его имя и телефон. Когда они выходили, Эйлин Картер улыбнулась и помахала Каролине, но та словно и не заметила.

Потом, уже в поезде, Каролина спросила:

– Тебе ведь страшно хочется с ней переспать, верно?

Фортунато улыбнулся и ничего не ответил.

– Боже ж ты мой! – в ее голосе явно проступил хьюстонский акцент. Фортунато уже и не помнил, когда слышал его в последний раз. – С этой старой коровой!

У него хватило ума не препираться с ней. Его реакция действительно оказалась чрезмерно острой, туз сознавал это. Отчасти она объяснялась действием феромонов, особой химией сексуальности, которую он научился распознавать задолго до того, как изучил ее научную подоплеку. Но в присутствии этой незнакомой, в сущности, женщины Фортунато вдруг почувствовал себя очень легко, а с тех пор, как дикая карта преобразила его, такое случалось нечасто. Она, похоже, не испытала совершенно никакой неловкости.

«Хватит, – сказал он себе. – Ты ведешь себя словно мальчишка».

Каролина, которая уже успела овладеть собой, положила руку ему на бедро.

– Дай мне только добраться до дома, – пообещала она, – а там уж я найду способ заставить тебя выбросить ее из головы.

– Фортунато?

Он перехватил трубку левой рукой и бросил взгляд на часы. Было девять утра.

– Угу.

– Это Эйлин Картер. На прошлой неделе вы оставили у меня монету.

Он уселся в постели – всю сонливость с него как рукой сняло. Каролина перевернулась на другой бок и накрыла голову подушкой.

– Да, я помню. Ну, удалось что-нибудь узнать?

– Похоже, я напала на след. Как вы смотрите на то, чтобы проехаться за город?

Она заехала за ним на своем «Фольксвагене», и они отправились в Шендейкен, небольшой городишко в Катскилльских горах. Он оделся как можно проще, в джинсы, темную рубаху и старую спортивную куртку. Но ни своего происхождения, ни отпечатка, который наложил на него вирус, он, разумеется, скрыть не мог.

Они остановились на асфальтированной площадке перед белой дощатой церквушкой и не успели выйти из машины, как дверь церкви открылась. На пороге появилась пожилая женщина в дешевом трикотажном костюме; голову она повязала шарфом. Она несколько раз с ног до головы смерила Фортунато взглядом, но в конце концов все же подала ему руку.

– Эми Фэйрборн. Вы, должно быть, те самые люди из города.

Эйлин представилась, и женщина кивнула.

– Могила там, – махнула она рукой.

Надгробие представляло собой строгую прямоугольную мраморную плиту, расположенную за белой кладбищенской оградой поодаль от остальных могил. Надпись над ней гласила: «Джон Джозеф Бэлзам. Скончался в 1809 году. Да сгноит Господь его душу».

Ветер запутался в складках куртки Фортунато, донес до него слабый аромат духов Эйлин.

– Темная это история, – начала Эми Фэйрборн. – Теперь уж никто и не разберет, где там правда, а где вымысел. Бэлзама все считали колдуном, и жил он на отшибе от остальных,

в горах. Впервые о нем в наших краях услышали году в тысяча семьсот девяностом. Никто не знает, откуда он здесь взялся, говорят только, что откуда-то из Европы. Старая песня. Чужак, да еще и живет особняком, вот его и винят во всех смертных грехах. Коровы кислым молоком подоились или выкидыш у кого случился – все он виноват.

Фортунато кивнул. Сейчас он сам чувствовал себя чужаком – а еще обнаженным, уязвимым. Повсюду, куда ни глянь, виднелись только деревья и горы, лишь справа от него на вершине холма, словно древняя цитадель, возвышалась старая церковь. Природа, по его мнению, была хороша лишь тогда, когда существовала в виде островка в центре города.

– Однажды вдруг невесть куда пропала дочь кингстонского шерифа, – продолжала Фэйрборн. – Это случилось в начале августа тысяча восемьсот девятого года. Как раз в ту пору, когда празднуют Ламмас. Шериф собрал мужчин, они вломились в дом к Бэлзаму и обнаружили девушку, раздетую и распростертую на алтаре. – Женщина сверкнула зубами. – Так рассказывают. Бэлзама застукали в каком-то чудном наряде и в маске. С ножом размером с вашу руку. Как пить дать собирался ее прирезать.

– Что за наряд? – спросил Фортунато.

– Монашеская сутана. И песья маска, как говорят. В общем, остальное можете сами представить. Его вздернули, дом подожгли, землю засыпали солью, а дорогу, что вела к дому, перегородили засекой.

Фортунато вытащил из кармана монету; другая так и осталась у Эйлин.

– Ее, если я не ошибаюсь, называют центом Бэлзама. Вам что-нибудь об этом известно?

– Да, у меня самой дома таких штуки три или четыре. Время от времени их вымывает из могилы дождем. Что в землю ушло, то когда-нибудь наверх да выйдет, как говаривал мой муж. А он здешнего народу немало схоронил.

– Эти монеты похоронили вместе с ним? – уточнил Фортунато.

– Все, что нашли. Когда поджигали дом, в подполе их целый бочонок отыскался. Видите, какие красные? Говорят, от высокого содержания железа или что-то в этом роде. А тогда болтали, будто бы он добавлял в медь человечью кровь. Как бы там ни было, монеты из конторы шерифа пропали. Большая часть народу считала, что это жена Бэлзама с ребеночком их увели да и были таковы.

– У него была семья? – спросила Эйлин.

– Их мало кто видел, но да, у него была жена, и сын тоже. Когда Бэлзама повесили, они сбежали в город. Так, во всяком случае, говорят.

На обратном пути ему удалось немного разговорить Эйлин, и женщина рассказала ему кое-что о себе. Родилась она на Манхэттене, в конце шестидесятых получила степень бакалавра изобразительных искусств в Колумбийском университете, пробовала себя в общественной деятельности и социальной работе, но забросила это занятие – со стандартным набором жалоб.

– Система никогда не изменялась достаточно быстро для меня. И я, если можно так выразиться, сбежала в историю. Понимаете? Когда занимаешься историей, лучше видишь, откуда что берется.

– Но почему вы выбрали именно оккультную историю?

– Я не верю во все эти штучки, если вы это имели в виду. Вы смеетесь? Почему вы смеетесь надо мной?

– Потом объясню. Продолжайте.

– Это просто вызов. Обычные историки не принимают такие вещи всерьез. Работы там – непаханый край, множеством интереснейших явлений никто так толком и не занимался. Орден ассасинов, Каббала, Дэвид Хоум, Кроули. – Она бросила на него взгляд. – Да сколько же можно? Расскажите мне, что здесь такого смешного?

– Вы не задали ни единого вопроса обо мне. Это очень мило с вашей стороны. Но вы должны знать, что у меня вирус. Дикая карта.

– Я вижу.

– Он наделил меня огромной силой. Астральная проекция, телепатия, обостренное сознание. Но единственный способ управлять этой силой, заставить ее служить мне – тантрическая магия. Это как-то связано с активизацией энергетического потока в позвоночнике…

– С кундалини.

– Да.

– Вы говорите о настоящей тантрической магии. Интромиссия. Менструальная кровь. Ну и все прочее в том же духе.

– Верно. Это все, что касается дикой карты.

– А есть и еще что-то?

– Да. То, чем я зарабатываю на жизнь. Я – сутенер. Сводник. Я держу контору девочек по вызову, которые берут за ночь по тысяче долларов. Вы еще не испугались?

– Нет. Разве что самую малость. – Она бросила на него еще один взгляд искоса. – Наверное, это прозвучит глупо. Вы как-то не вяжетесь у меня с образом сводника.

– Мне не очень нравится это название. Хотя я и не пытаюсь откреститься от него. Мои женщины – не обычные проститутки. Моя мать – японка, она учит их искусству гейши. У многих из них есть степень доктора философии. Ни одна не принимает наркотики, а если какой-то из них надоедает такая жизнь, то она переходит на другую должность в нашей организации.

– В вашем изложении это выглядит весьма высокоморально.

Она была готова осудить его, но Фортунато не собирался позволить себе отступить.

– Нет, – покачал он головой. – Вы же читали Кроули. Он не признавал обычную мораль, и я тоже ее не признаю. «Делай, что пожелаешь, – вот единственный Закон». Чем больше я узнаю, тем тверже прихожу к выводу, что в ней, в одной этой фразе, заключено все. Она – и угроза, и обещание.

– Зачем вы говорите мне все это?

– Потому что вы нравитесь мне, меня тянет к вам, а это может обернуться не слишком удачным стечением обстоятельств для вас. Я не хочу, чтобы с вами что-то случилось.

Она сжала руль обеими руками и уставилась на дорогу.

– Я в состоянии позаботиться о себе.

«Надо было держать рот на замке», – выругал он себя, хотя и знал, что это не так. Лучше пусть она уйдет сейчас, пока он не влип окончательно.

Несколько минут спустя Эйлин нарушила молчание.

– Не знаю, стоит ли рассказывать вам это или нет. Я показала эти монеты разным людям. В магазинах оккультной литературы, лавках магических принадлежностей… и прочих местах. В мискатонском книжном магазине я наткнулась на одного человека по имени Кларк. Похоже, монета по-настоящему его заинтересовала.

– Что вы ему сказали?

– Что она досталась мне от отца и мне стало любопытно. Он начал задавать мне вопросы, занимаюсь ли я оккультизмом, случались ли в моей жизни сверхъестественные события, ну и так далее в том же духе. Мне не составило труда рассказать ему то, что он хотел услышать.

– И?

– И он предложил свести меня кое с какими людьми. – Через несколько секунд она добавила: – Что-то вы опять примолкли.

– Я считаю, что вам не стоит туда идти. Это опасно. Вы лично можете сколько угодно не верить в оккультизм. Дело в том, что дикая карта все изменила. Человеческие мечты и верования теперь могут обернуться реальностью. И причинить вам зло. Даже убить.

Эйлин покачала головой.

– Я всю жизнь слышу одну и ту же песню. Но не вижу ни одного тому доказательства. Можете спорить хоть всю дорогу, но я не изменю своего мнения. Пока я не увижу все своими глазами, не поверю.

– Ловлю на слове.

Фортунато выпустил свое астральное тело из физической оболочки и вылетел перед машиной. Он встал на дороге и обрел видимый облик в тот самый миг, когда машина врезалась в него. Сквозь лобовое стекло он увидел, как расширились глаза женщины. С соседнего сиденья бессмысленно таращилось на него его собственное физическое тело. Эйлин закричала, взвизгнули тормоза, и он нырнул обратно в свою оболочку. Их несло прямо на деревья, и Фортунато резко выкрутил руль, чтобы не въехать в них. Машина заглохла и выкатилась на обочину.

– Что… что…

– Прошу прощения.

Похоже, сила его убеждения оставляла желать лучшего.

– Это же вы были на дороге!

Она все так же сжимала руль, и руки у нее тряслись.

– Это была простая… демонстрация.

– Демонстрация? Да вы напугали меня до полусмерти!

– Я еще ничего не сделал. Понимаете? Мы имеем дело с каким-то культом, которому несколько сотен лет и в котором приносят людей в жертву, это как минимум. А может быть, и еще что-нибудь похлеще. Куда как похлеще. Я не готов отвечать за последствия, если вы влезете в это дело.

Эйлин завела мотор и вывернула на дорогу. Лишь четверть часа спустя, когда они ехали по шоссе «I-87», она сказала:

– Получается, вы теперь не совсем человек, да? Раз смогли так меня напугать. Хотя и говорите, что я вам небезразлична. Именно об этом вы и пытались меня предупредить.

– Да, – кивнул он.

Голос у нее изменился, стал каким-то более отстраненным. Он ждал, не скажет ли она что-нибудь еще, но женщина лишь кивнула и вставила в стереосистему кассету с Моцартом.

После этого между ними все будет кончено. Однако через неделю Эйлин Картер позвонила ему и предложила пообедать в «Козырных тузах».

Фортунато уже ждал за столом, когда она вошла. Он знал, что она никогда не сможет выглядеть как манекенщица или одна из его гейш. Но с одобрением отметил, что свои достоинства женщина подала наиболее выигрышным образом: на ней была серая фланелевая юбка, белая хлопчатобумажная блузка, темно-синий кардиган, а в волосах – широкий черепаховый обруч. Почти никакой косметики: она лишь подкрасила ресницы да слегка тронула губы блеском.

Он поднялся, чтобы отодвинуть для нее стул, и едва не врезался в Хирама. Повисла неловкая пауза. В конце концов Эйлин протянула руку, и Хирам склонился над ней, задержался в таком положении – чуть дольше, чем следовало бы, – и удалился. Секунду-другую Фортунато смотрел ему вслед. Он надеялся услышать что-нибудь о Хираме, но она не приняла его намек.

– Очень рад вас видеть, – проговорил он.

– И я тоже.

– Несмотря на то… на то, что случилось в прошлый раз?

– Следует ли мне расценивать это как извинение?

– Нет, хотя я искренне об этом сожалею. Я сожалею, что втянул вас в эту историю и о том, что мы не встретились при других обстоятельствах. Я сожалею, что каждый раз, когда мы видимся, между нами стоит это отвратительное дело.

– Я тоже.

– И я боюсь за вас. Я ввязался во что-то, с чем никогда прежде не сталкивался. Это все эта… эта шайка, секта, культ – называйте ее как хотите. И я ничего не могу узнать о ней.

Официант принес меню и воду в хрустальных бокалах. Фортунато кивком отпустил его.

– Я встречался с Кларком, – продолжил он. – Задал ему кое-какие вопросы, упомянул Тиамат, но в ответ получил лишь бессмысленный взгляд. И он не притворялся. Я заглянул в его голову. – Он перевел дыхание. – Он не помнил о вас.

– Но это невозможно. – Эйлин покачала головой. – Вы вот так сидите и рассуждаете о том, как прочитали его мысли. Должно быть, это какое-то недоразумение, вот и все. Вы точно уверены?

Фортунато отчетливо различал ее ауру. Она говорила правду.

– Я точно уверен.

– Я виделась с Кларком вчера вечером и могу поклясться, что он помнил меня. Он отвел меня на встречу с группой людей. Они – члены какого-то культа, или общества, или как его еще можно назвать. Эти монеты – что-то вроде опознавательного знака.

– Вы узнали их имена, адреса или что-нибудь еще?

Отрицательный жест.

– Я узнала бы их в лицо. Одного из них называли Романом. Очень красивый, даже чересчур, если вы понимаете, что я имею в виду. Другой был совершенно ничем не примечательным. Гарри, если я правильно помню.

– У этой группы есть название?

– Они о нем не упоминали. – Эйлин пробежала взглядом меню: вернулся официант. – Медальоны из телятины, пожалуй. И бокал шабли.

Фортунато заказал салат-коктейль и пиво «Бекс».

– Но зато я узнала кое-что другое, – продолжала она. – Я все пытаюсь выйти на след жены и сына Бэлзама. Ну, они могли бы дать зацепки к тому, чтобы распутать эту историю. Сначала я попробовала прибегнуть к стандартным детективным приемам, отыскать записи о рождении, смерти и заключении брака. Безрезультатно. Тогда я решила поискать среди оккультистов. Знаете журнал «Абрамелиново обозрение»?

– Нет.

– Это что-то вроде обзора публикаций по оккультизму. Там-то семейка Бэлзама и всплыла. Есть такой Марк Бэлзам, который за последние несколько лет опубликовал не меньше дюжины статей. Большинство из них печаталось в журнале под названием «Нектанеб». Ни о чем вам не говорит?

Фортунато покачал головой.

– Какой-то демон? Судя по названию, я должен бы его знать, но что-то не припомню.

– Можно делать ставку, что он состоит в том же обществе, что и Кларк.

– Из-за монет.

– Именно.

– А что насчет этих подростковых банд, которые терроризируют Клойстерс? Я забрал монету у одного из этих сосунков. Какая между ними может быть связь?

– Пока не вижу. Может быть, статьи прояснили бы что-нибудь, но этот журнал – настоящий раритет. Мне пока не удалось найти ни одного экземпляра.

Принесли заказ. За едой она наконец-то упомянула о Хираме.

– Пятнадцать лет назад он был куда привлекательнее, чем можно подумать сейчас. Немного грузноват, но море обаяния. Хорошо одевался, чувствовал, что и когда сказать. И разумеется, всегда знал самые потрясающие рестораны.

– И что же произошло? Или это меня не касается?

– Не знаю. Что вообще может произойти между двумя людьми? Думаю, главная причина в том, что он чересчур болезненно относился к собственному весу. А теперь я могу то же самое сказать о себе.

– И совершенно напрасно. Вы очень красивая. Вы могли бы заполучить любого мужчину, какого захотите.

– Можете не считать себя обязанным флиртовать со мной. Ну, то есть я отдаю должное вашему обаянию, сексуальной энергии и всему прочему, но мне не хочется, чтобы вы испробовали ее на мне и манипулировали мной.

– Я вовсе не пытаюсь вами манипулировать, – возразил Фортунато. – Если я проявляю к вам интерес, то это потому, что я этот интерес испытываю.

– Вы всегда действуете так напролом?

– Да. Похоже на то. Я смотрю на вас, а вы все время мне улыбаетесь. Это сводит меня с ума.

– Хорошо, попытаюсь больше не улыбаться.

Он вдруг понял, что чересчур на нее давит. Женщина аккуратно примостила нож с вилкой на тарелку и сложила рядом салфетку. Фортунато отставил недоеденный салат. Внезапно в мозгу у него что-то щелкнуло.

– Как, вы сказали, назывался тот журнал? Ну, где печатался Бэлзам?

Она вытащила из сумочки клочок бумаги.

– «Нектанеб». А что?

Фортунато сделал официанту знак принести счет.

– Послушайте. Вы не согласитесь заехать ко мне? Никаких глупостей. Это очень важно.

– Надо полагать.

Официант поклонился и взглянул на Эйлин.

– У мистера Уорчестера… неотложное дело. Но он попросил меня передать вам, что этот обед – подарок от заведения.

– Поблагодарите его от моего имени, – велела женщина. – Скажите ему… скажите ему спасибо.

Когда они добрались до квартиры, Каролина еще спала. Она демонстративно оставила дверь спальни приоткрытой и голышом прошествовала в ванную, после чего уселась на край кровати и медленно натянула одежду, начав с чулок и пояса с подвязками.

Фортунато, не обращая на нее никакого внимания, принялся рыться на книжных полках, которых теперь стало так много, что они занимали всю стену гостиной. Или Каролина научится обуздывать свою ревность, или ей придется сменить область деятельности. Девушка процокала к двери на своих десятисантиметровых каблуках, и Эйлин улыбнулась ей.

– Она очень красивая.

– И вы тоже.

– Не заводите.

– Это вы начали. – Он передал ей «Египетскую магию» Баджа[1]. – Пожалуйста. «Нектанеб».

– «…Прославленный маг и мудрец, он обладал глубочайшими познаниями во всех науках египтян».

[1] Бадж, Эрнест Альфред Уоллис (1857–1934) – английский востоковед и археолог.

– Все сходится. Помните песью маску Черного Джона? Интересно, этот его культ – не египетское ли масонство?

– О господи. Вы что, читаете мои мысли?

– Мне кажется, что имя Бэлзам может быть измененным на американский манер Бальзамо.

– Джузеппе Бальзамо из Палермо, – проговорила Эйлин.

И грузно опустилась на кушетку.

– Более известный миру, – добавил Фортунато, – под именем графа Калиостро.

Фортунато передвинул кресло так, чтобы оказаться напротив нее, и уселся, уткнувшись локтями в колени.

– Так когда его арестовала инквизиция?

– Примерно в тысяча семьсот девяностом, так? Его поместили в какую-то тюрьму. Но его тело так и не было найдено.

– Существовали подозрения в том, что он был связан с орденом иллюминатов. Предположим, они выкрали его из камеры и нелегально переправили в Америку.

– Где он объявился под именем Черного Джона Бэлзама. Но в какие тайны он был посвящен? Зачем ему понадобились монеты? И человеческие жертвы? Калиостро был обычный жулик, авантюрист. Все, к чему он стремился, – красивая жизнь. Убийство как-то не в его духе.

Фортунато передал ей «Ведьм и Колдунов» Дараула.

– Давайте выясним. Если, конечно, у вас нет более интересных занятий.

– Англия, – сказала Эйлин. – Тысяча семьсот семьдесят седьмой год. Вот когда это произошло. Его приняли в масонский орден двенадцатого апреля в Сохо. После этого масонство всецело завладевает его жизнью. Он основывает братство египетских масонов, начинает раздавать деньги и завлекать к себе всех высокопоставленных масонов, каких может.

– И что все это дало?

– Предположительно он предпринял какую-то поездку по сельской Англии и вернулся оттуда – цитирую – «другим человеком». Его магические силы возросли. Из авантюриста он превратился в подлинного мистика.

– Ясно, – кивнул Фортунато. – А теперь послушайте вот это. Вот что пишет Толстой о франкмасонстве: «Первейшая и главнейшая цель нашего ордена… заключается в сохранении и передаче потомкам одной важной тайны… тайны, от которой, возможно, зависит судьба всего человечества».

– Все это начинает пугать меня до чертиков, – заметила Эйлин.

– Это еще не все. Существо, изображенное на обороте цента Бэлзама, – шумерское божество по имени Тиамат. Именно с нее Лавкрафт списал своего Ктулху. Это исполинское бесформенное чудовище родом со звезд. Есть мнение, что идею для своей мифологии Лавкрафт подсмотрел в секретных документах своего отца. Его отец был масон.

– Значит, вы полагаете, что все это связано именно с ней. С Тиамат.

– Сложите все вместе, – сказал Фортунато. – Положим, этот масонский секрет как-то связан с властью над Тиамат. Калиостро становится обладателем тайны. Его собратья-масоны не станут использовать это знание во зло, поэтому Калиостро создает собственный орден – чтобы использовать его в своих целях.

– Чтобы привести это чудовище на Землю.

– Да, – эхом отозвался Фортунато. – Чтобы привести его на Землю.

Эйлин наконец перестала улыбаться.

Они заговорились дотемна. Ночь была ясная и холодная, и сквозь яркий свет люстры Фортунато различал звезды. Ему хотелось отключить их.

– Уже поздно, – сказала Эйлин. – Мне пора.

Это застало его врасплох. После дня, проведенного за совместной работой, его переполняла нервная энергия, хмельное возбуждение погони. Ум женщины восхищал его, и так хотелось, чтобы вся она раскрылась ему – ее секреты, чувства, ее тело.

– Останься, – попросил он, тщательно следя за тем, чтобы не использовать свою силу, не превратить просьбу в принуждение. – Пожалуйста.

В животе у него похолодело.

Эйлин поднялась, натянула свитер, брошенный на подлокотнике кресла.

– Мне нужно… переварить все это, – сказала она. – Слишком много всего для одного раза. Прости. – На него она не смотрела. – Мне нужно время.

– Я провожу тебя до Восьмой авеню, – предложил он. – А там ты сможешь поймать такси.

Звезды, казалось, излучали холод, какую-то ненависть к самой жизни. Он втянул голову в плечи и глубоко засунул руки в карманы. Несколько секунд спустя рука Эйлин обвила его пояс, и он на ходу привлек ее к себе.

Они остановились на углу Восьмой авеню и Девятнадцатой улицы, и почти тут же подъехало такси.

– Можешь не говорить, – сказала ему Эйлин. – Я буду осторожна.

В горле у Фортунато застрял такой тугой ком, что он не смог бы произнести ни слова, даже если бы захотел. Он обхватил ладонью ее затылок и поцеловал ее. Губы оказались такими нежными, что он оторвался от них и развернулся, чтобы уходить, и только тогда понял, какое восхитительное это было ощущение. Он обернулся – она стояла на том же месте. Фортунато поцеловал ее еще раз, настойчивей, и на мгновение она прильнула к нему, а потом отстранилась.

– Я позвоню, – сказала она.

Он провожал такси глазами, пока машина не скрылась за углом.

В семь утра следующего дня его разбудили полицейские.

– У нас в морге мертвый подросток, – сообщил первый. – Кто-то переломал ему шею. Неделю назад в парке у Клойстерс. Вам что-нибудь об этом известно?

Фортунато покачал головой. Он стоял у двери, рукой придерживая халат на груди. Если они войдут, то увидят и пентаграмму, начерченную на полу, и человеческий череп на книжной полке, и рассыпанные на кофейном столике самокрутки с марихуаной.

– Его дружки говорят, что видели вас там, – заметил второй.

Фортунато взглянул ему в глаза.

– Меня там не было, – произнес он. – Вам очень хочется в это поверить.

Второй полицейский кивнул, а первый потянулся к пистолету.

– Не нужно, – сказал Фортунато. Первый полицейский не успел вовремя отвести глаза. – Вы тоже в это верите. Меня там не было. Я чист.

– Чист, – повторил первый полицейский.

– А теперь уходите, – велел Фортунато, и они ушли.

Он уселся на кушетку; руки у него тряслись. Полицейские вернутся. Или скорее пришлют кого-нибудь из джокертаунского отдела – того, против кого его способности будут бессильны.

Ну вот, теперь он больше не уснет. Все равно его сны наводняли страшные чудовища размером с Луну – они шевелили щупальцами, заслоняя небо, проглатывали город.

Фортунато вдруг понял, что в квартире никого нет. Он уже и не помнил, когда в последний раз проводил ночь в одиночестве. Его рука сама потянулась к телефонной трубке – позвонить Каролине. Это был просто рефлекс, и он подавил его. Ему хотелось быть с Эйлин.

Два дня спустя она позвонила снова. За эти два дня он дважды побывал в ее музее на Лонг-Айленде – в своем астральном виде. Он реял по комнате, незримый для нее, и наблюдал. Он побывал бы там еще не раз и задержался бы подольше, но это доставляло ему слишком большое удовольствие.

– Это Эйлин, – сказала она. – Они хотят посвятить меня.

Была половина четвертого. Каролина отправилась в Берлиц на занятия по японскому языку. В последнее время он видел ее не слишком часто.

– Ты все-таки вернулась туда.

– Я не могла иначе. Мы уже зашли слишком далеко.

– И когда же?

– Сегодня вечером. Мне велено подойти к одиннадцати. К той старой церкви в Джокертауне.

– Можно мне с тобой встретиться?

– Наверное. Я могу прийти, если хочешь.

– Пожалуйста. Только поскорее.

Фортунато сел у окна и смотрел в него, пока не показалась ее машина. Он открыл входную дверь и вышел встречать Эйлин на площадку. Женщина вошла в квартиру первой и обернулась. Фортунато не знал, чего от нее ожидать. Он закрыл дверь, и она протянула к нему обе руки. Он обнял ее, поцеловал – снова и снова. Нежные руки обвились вокруг его шеи и сцепились в замок.

– Я хочу тебя, – сказал он.

– И я тебя.

– Пойдем в спальню.

– Мне очень этого хочется. Но я не могу. Это… дурацкая затея. Я долго об этом думала. Я не могу вот так просто запрыгнуть к тебе в постель и проделывать всякие замысловатые тантрические штучки. Это не то, чего я хочу. Господи, да ты ведь даже кончить не можешь!

Он погрузил пальцы в ее волосы.

– Ну ладно. – Он еще какое-то время прижимал ее к себе, потом отпустил. – Что-нибудь выпить?

– Чашку кофе, если можно.

Он поставил чайник на плиту, бросил в кофемолку пригоршню кофейных зерен и принялся их молоть, глядя на нее поверх барной стойки.

– Никак не пойму, почему я ничего не могу выудить из сознания этих людей.

– Ты не считаешь, что я все выдумываю?

– Я почувствовал бы, если бы ты меня обманывала.

Эйлин тряхнула головой.

– С тобой не соскучишься.

– Есть вещи поважнее надуманных условностей.

Вода вскипела. Фортунато приготовил кофе и разлил его по чашкам.

– Если они – такая серьезная организация, как ты считаешь, то они просто обязаны иметь среди своих членов тузов. Таких, которые могут устанавливать блоки – блоки против других людей, обладающих ментальными силами.

– Надо полагать.

Она отпила из своей чашки.

– Сегодня днем я встречалась с Бэлзамом. Мы все собрались в книжной лавке.

– Как он выглядит?

– Довольно приятный. Похож на банкира или кого-то в этом роде. Костюм-тройка, очки. Но загорелый, как будто по выходным регулярно играет в теннис.

– И что он сказал?

– Они наконец-то произнесли вслух слово «масон». Такое впечатление, что это была последняя проверка – не насторожусь ли я. Потом Бэлзам преподал мне урок истории. О том, что шотландские и йоркские масоны были всего лишь ветвью спекулятивных масонов и что они ведут свою историю лишь с восемнадцатого столетия.

Фортунато кивнул.

– Это действительно так.

– Потом он принялся рассказывать о Соломоне, о том, что архитектор его храма на самом деле был египтянином. Что масонство пошло от Соломона, а все прочие обряды давно утратили свое исконное значение. Как ты и предполагал.

– Сегодня вечером мне придется пойти с тобой.

– Ничего не выйдет. Даже если ты переоденешься, они узнают тебя.

– Я могу послать свое астральное тело, которое все увидит и услышит.

– А если еще кто-то будет там в своем астральном теле, ты его увидишь?

– Ну конечно.

– И что тогда? Это же страшный риск, разве не так?

– Ну да, риск.

– Мне придется пойти одной. Другого выхода нет.

– Разве только…

– Разве только – что?

– Разве только я буду внутри тебя, – закончил он.

– О чем ты?

– Сила сосредоточена в моей сперме. Если она будет внутри тебя…

– Нечего сказать, хороший предлог затащить женщину в постель… – Она вгляделась в его лицо. – Ты что, серьезно?

– Тебе нельзя туда одной. Не только из-за опасности. Ты не сможешь прочитать их мысли. А я смогу.

– Даже если ты будешь всего лишь… пассажиром?

Фортунато кивнул.

– Господи, – проговорила она. – Нам… нам не стоит этого делать. У меня ко всему прочему еще и месячные.

– Тем лучше.

Она стиснула его запястье и прижала его к груди.

– Я дала себе слово, что если когда-нибудь окажусь в постели с мужчиной еще раз, то это должно быть романтично. Свечи там, цветы и все такое прочее. И посмотрите на меня!

Фортунато опустился перед ней на колени и осторожно отвел ее руки в сторону.

– Эйлин, – сказал он. – Я люблю тебя.

– Тебе легко говорить. Нет, я верю, что тебе действительно так кажется, но могу поклясться, ты всем это говоришь. А я говорила эти слова всего двум мужчинам в своей жизни, и один из них был мой отец.

– Я говорю не о твоих чувствах. И не о вечности. Я говорю о себе и о том, что я чувствую сейчас. И я люблю тебя.

Он поднял ее на руки и понес в спальню.

Там было холодно, Эйлин застучала зубами. Фортунато зажег газовый камин и сел рядом с ней на постели. Она взяла его правую руку в ладони и поднесла к губам. Он поцеловал ее и почувствовал, что женщина отвечает ему – словно бы против воли. Он разделся, натянул на них обоих одеяло и принялся расстегивать ее блузку. Грудь у нее была большая и упругая, соски затвердели под его поцелуями.

– Подожди, – проговорила она. – Мне нужно… мне нужно в ванную.

Когда она вернулась обратно, на ней уже не было никакой одежды. В руках она держала полотенце. На внутренней стороне бедра расплывалось пятно крови.

– Чтобы не пачкать простыни.

Фортунато забрал у нее полотенце.

– Не беспокойся о простынях.

Она стояла перед ним, обнаженная, с таким видом, как будто боялась, что ее прогонят прочь. Мужчина прижался головой к ее груди и притянул к себе.

Эйлин скользнула под одеяло и поцеловала его, порхнула языком по его губам. Он целовал ее плечи, груди, подбородок. Потом перевернулся, уперся в матрас коленями и ладонями и оказался над ней.

– Нет, – прошептала она. – Я еще не готова…

Он взял член в руку и начал водить головкой по ее расселине, медленно, нежно, ощущая, как чувствительная плоть становится теплой и влажной. Женщина закусила губу, глаза у нее закрылись. Фортунато медленно скользнул внутрь нее, задвигался и почувствовал, как вдоль позвоночника растекаются волны наслаждения.

Он снова поцеловал ее, и губы под его губами дрогнули, шепча неслышные слова. Неужели он часами мог заниматься любовью? Сейчас ощущения были неизмеримо более острыми. Его переполнял пыл и свет, он не мог больше сдерживать их.

– Разве ты не должен что-нибудь произнести? – прошептала Эйлин, задыхаясь. – Какое-нибудь заклинание или что-нибудь еще?

Фортунато опять поцеловал ее и ощутил легкое покалывание в губах, как будто они были скованы долгим сном и только теперь вновь возвращались к жизни.

– Я люблю тебя, – сказал он.

– Господи, – выдохнула она и вдруг расплакалась. Слезы скатывались по ее щекам в волосы, а бедра в то же самое время двигались все быстрее и быстрее. Их разгоряченные тела пылали, по груди Фортунато стекал пот. Эйлин вся напряглась, потом обмякла. Секундой позже глаза Фортунато застлала ослепляющая пелена, усилием воли он подавил десять лет тренировки и позволил разрядке произойти, позволил силе хлынуть из него в женщину, и на мгновение они стали единым существом, двуполым и всеобъемлющим, и он почувствовал, как разлетается по всем уголкам вселенной гигантской ядерной вспышкой.

А через миг он уже вновь был в постели с Эйлин, и ее грудь вздымалась и опадала в такт всхлипам.

Единственным источником света был огонек в камине. Наверное, он заснул. Смятая наволочка драла щеку, как наждачная бумага. На то, чтобы всего-навсего перевернуться на спину, у него ушли все силы.

Эйлин одевалась.

– Пора, – сказала она.

– Как ты себя чувствуешь?

– Невероятно сильной. Могущественной. – Женщина рассмеялась. – Никогда ничего подобного не испытывала.

Фортунато закрыл глаза и просочился в ее сознание. Глазами Эйлин он увидел себя самого, пустую оболочку на кровати.

– А ты? – Ее голос отдавался в груди. – Как ты?

Он вернулся обратно в собственное тело.

– Ужасно ослабел. Но это пройдет.

– Может быть… может быть, попросить кого-нибудь посидеть с тобой?

Фортунато понимал, что она предлагает. Нужно согласиться. Каролина или любая другая его девочка мигом восстановила бы его силу. Но это ослабило бы его связь с Эйлин.

– Нет, – ответил он.

Она закончила одеваться и склонилась над ним, приникла к его губам в долгом поцелуе.

– Спасибо, – сказала она.

– Не нужно, – отозвался он. – Не благодари меня.

– Я пойду.

Ее нетерпение, ее сила и жизненная энергия наполняли комнату, как нечто ощутимое. А потом она ушла, и он снова уснул.

Эйлин стояла у двери в книжную лавку, поджидая Кларка, и Фортунато видел все ее глазами. Он мог бы проделать всю дорогу до лавки в ее сознании, но на это ушли бы те крохи сил, которые уже начали понемногу к нему возвращаться. Кроме того, ему было тепло и уютно там, где он находился.

До тех пор, пока чьи-то руки не схватили его, стряхнув с него сон, и перед глазами у него не очутились две сверкающие полицейские бляхи.

– Одевайся, – приказал суровый голос. – Ты арестован.

Его посадили в одиночную камеру. В ней был серый кафельный пол и выкрашенные серой краской цементные стены. Фортунато сжался в комочек в углу и дрожал, слишком слабый, чтобы стоять. На стене рядом с ним кто-то нацарапал человечка с непомерно огромным членом и яйцами.

Целый час он был не в состоянии установить контакт с Эйлин. Наверняка масоны Бэлзама убили ее.

Фортунато закрыл глаза. Дверь соседней камеры с лязгом захлопнулась и отвлекла его. «Да концентрируйся же ты, черт побери», – приказал он себе.

Он очутился в длинном зале с высокими сводами. Все вокруг заливал мерцающий желтый свет, который давали ряды свечей на стенах. Пол у него под ногами был мозаичный, в черно-белую клетку. У входа в зал возвышались две дорические колонны, по одной с каждой стороны, не доходившие до потолка. Они символизировали собой Храм Соломона и звались Боаз и Иоахим – как два первых масонских слова.

Он не хотел управлять телом Эйлин, хотя мог бы, если уж на то пошло. Судя по всему, она была жива и здорова. Он чувствовал ее волнение, но ни боли, ни даже особого страха не было.

Мужчина, который по описанию Эйлин походил на Бэлзама, стоял у входа в зал, на возвышении, предназначенном для Великого Командора Храма. Поверх темного костюма на нем был белый масонский фартук с ярко-красной каймой. Вокруг шеи у него был повязан плащ, похожий на непомерно огромный слюнявчик. Он тоже был белый, с красным крестом с петлей наверху – анком.

– Кто поручится за эту женщину? – вопросил Бэлзам.

В комнате находилось еще с дюжину или даже больше человек обоего пола, и все в таких же фартуках и плащах. Они выстроились полукругом вдоль левой стены зала. Большинство из них с виду казались вполне нормальными. У одного была ярко-красная кожа, а волос не было вообще – явный джокер. Другой выглядел совсем дряхлым, переносицу его отягощали очки с толстыми линзами, а на лице застыло изумленное выражение. У него единственного из всех под фартуком была не уличная одежда. Он был облачен в белую рясу на несколько размеров больше нужного, с капюшоном и рукавами, которые казались слишком длинны.

Из полукруга вышел Кларк и произнес:

– Я поручусь за нее.

Бэлзам передал ему причудливую маску, покрытую чем-то, на вид напоминавшим золотую фольгу. Она представляла собой голову сокола и полностью закрыла лицо Кларка.

– Кто будет противостоять? – спросил Бэлзам.

Восточного вида молодая женщина, довольно некрасивая, но излучавшая неуловимую сексуальность, выступила вперед.

– Я буду противостоять.

Бэлзам дал ей маску с длинными остроконечными ушами и острой мордочкой. Когда она надела ее, маска придала ей холодный и высокомерный вид. Фортунато почувствовал, как у Эйлин участился пульс.

– Кто заявляет свои права на нее?

– Я заявляю свои права на нее.

Вперед выступил еще один мужчина и получил от Бэлзама маску с шакальим ликом Анубиса.

Воздух за спиной у Бэлзама заколыхался и засиял. Свечи погасли. Из воздуха медленно вылепился золотистый силуэт человека ростом до потолка, с песьими чертами лица и горящими желтыми глазами. Он стоял со скрещенными на груди руками и смотрел вниз, на Эйлин. Сердце у нее отчаянно заколотилось и дрогнуло, и она впилась ногтями в собственные ладони. Кроме нее, казалось, никто не замечал его появления.

Женщина в остроносой маске встала напротив Эйлин.

– Осирис, – заговорила она. – Я – Сет, один из эннеады Анну, сын Геба и Нут.

Он почувствовал, как Эйлин открыла рот, чтобы что-то сказать, но не успела она произнести и слова, как правая рука азиатки наотмашь ударила ее по лицу. Она упала навзничь и проехала по скользкому мозаичному полу.

– Узрите же! – приказала женщина. Она прикоснулась пальцами к глазам Эйлин, а когда отняла их от ее лица, они блестели от влаги. – Животворный дождь!

– Осирис, – произнес мужчина с шакальей головой и выступил вперед, чтобы занять место женщины. – Я – Анубис, сын Ра, Открывателя Путей, Властитель Погребального Холма.

Он обошел Эйлин и придавил ее к полу.

Теперь Кларк опустился на колени рядом с ней, а золотистый исполин все так же безмолвно высился у него за спиной.

– Осирис, – проговорил он. Глаза в крошечных прорезях соколиной маски блеснули. – Я – Гор, сын твой и Исиды. – Он прижал два пальца к губам Эйлин, заставляя ее открыть рот. – Я пришел припасть к стопам твоим, я сын твой, Гор, я касался уст твоих; я сын твой, я люблю тебя. Сомкнуты были уста твои, но я привел для тебя в порядок уста твои и зубы твои. Я открыл для тебя очи твои. Я раскрыл для тебя уста твои орудием Анубиса. Гор разомкнул уста мертвого, как разверз в старину уста твои железом, Сетом дарованным. И восстанут мертвые, и выйдут из могил своих, и тело ее воссоединится с Великим Домом Древних Богов в Анну, и возложит на голову ее корону уререт Гор, повелитель человечества.

Кларк взял из рук Бэлзама нечто похожее на деревянную змею. Эйлин попыталась вырваться, но мужчина с шакальей головой держал крепко. Кларк взмахнул змеей и легко коснулся ею губ и глаз Эйлин – четыре раза.

– О Осирис, я раскрыл для тебя челюсти твои, и ныне они разомкнуты.

Он отступил в сторону. Бэлзам склонился над ней, пока между ними не осталось всего несколько дюймов, и произнес:

– Ныне дарую я тебе хекау, слово силы. Гор разомкнул для тебя уста твои, дабы мог ты промолвить его. И слово это – Тиамат.

– Тиамат, – прошептала Эйлин.

Фортунато, помертвев от страха, вломился в сознание Бэлзама.

Трудность заключалась в том, чтобы двигаться дальше, не позволить странности всего происходящего ошеломить себя. Если он не даст угаснуть ассоциативной цепочке, то окажется в той части памяти Бэлзама, которая ему нужна.

Бэлзам был уже близок к экстазу. Фортунато пробивался сквозь вереницу образов и тотемов египетской магии до тех пор, пока не добрался до самых ранних, от них перешел к отцу Бэлзама, а потом в обратном порядке проследил все семь поколений до самого Черного Джона.

Все, что Бэлзам когда-либо слышал, читал или воображал себе о своем предке, хранилось здесь. И его первое мошенничество, когда он выманил у золотых дел мастера Марано шестьдесят унций чистого золота. И его бегство из Палермо. Встреча с греком, Альтотасом, и изучение алхимии. Египет, Турция, Мальта и, наконец, Рим, где он очутился в возрасте двадцати шести лет, полный сил, красивый, с рекомендательными письмами к членам высшего общества.

Знакомство с Лоренцей. Фортунато видел ее точно такой, какой она предстала взору Калиостро, когда впервые обнажилась перед ним, четырнадцатилетняя девочка, но ослепительная в своей красоте: стройная, изящная, с нежной оливковой кожей, черными как ночь волосами, рассыпавшимися по плечам, безупречными маленькими грудками, благоухающими дикими прибрежными цветами.

Потом было путешествие по Европе в каретах, обитых темно-зеленым бархатом, и красота Лоренцы открывала им доступ в любое общество без ограничений, так что они могли жить на подачки знати, а их остатки раздавать на милостыню.

И вот, наконец, Англия.

Фортунато видел, как Калиостро скачет в глубь лесной чащи верхом на окровавленном вороном гунтере. Он отбился – и не вполне случайно – от Лоренцы и одного юного английского лорда, который был совершенно покорен ею. Его светлость, вне всякого сомнения, в этот самый момент кувыркался с ней в какой-нибудь придорожной канаве, а Лоренца, вне всякого сомнения, уже придумала способ обернуть это обстоятельство к их выгоде.

А потом вдруг среди бела дня с неба скатилась Луна.

Калиостро пришпорил жеребца и погнал его к пламенеющему призраку. Он опустился на землю на поляне в нескольких ярдах поодаль. Когда до него оставалась сотня футов, конь вдруг встал как вкопанный, поэтому Калиостро привязал его к деревцу и спешился. Видение было размытым, состоящим из разрозненных линий, и, когда Калиостро двинулся к нему, от него вдруг отделилась часть…

В этом месте его воспоминания обрывались. В следующий миг Калиостро в обществе Лоренцы уже возвращался обратно в Лондон в карете, исполненный каких-то высоких намерений, которые так и остались для Фортунато неясными.

Он прочесывал память Бэлзама. Это знание должно было быть там. Хоть какой-то обрывок воспоминания о том, что это за существо было в лесу, что оно сказало или сделало.

И в этот самый миг Бэлзам встрепенулся и прорычал:

– Эта баба забралась в мою голову!

Он снова видел все глазами Эйлин, кляня себя за неловкость. События приняли катастрофический оборот. Фортунато вдруг осознал, что смотрит в глаза тщедушному человечку в толстых очках и рясе.

А еще через мгновение он снова очутился в своей камере. Двое тюремщиков ухватили его под локти и волокли к выходу.

– Нет! – умолял он. – Пожалуйста. Еще несколько минут!

– Что, понравилось у нас, да? – хохотнул один из тюремщиков.

Он толкнул Фортунато к двери. Нога поехала на скользком линолеуме, и он плюхнулся на четвереньки. Тюремщик пнул его куда-то под левую почку, но не сильно: сознания он не потерял.

Потом они снова тащили его по бесконечным грязно-зеленым коридорам и втолкнули в обитую темными панелями комнату без окон и с длинным деревянным столом. За ним сидел

мужчина лет тридцати в дешевом костюме. Волосы у него были темно-русые, лицо невыразительное. На кармане пиджака блестела золотая бляха полицейского. Рядом с ним сидел другой мужчина, в тенниске и дорогой спортивной куртке. Приторно красивый, с волнистыми белокурыми волосами и ледяными голубыми глазами. Фортунато вспомнил масона, о котором ему рассказывала Эйлин, Романа.

– Сержант Матиас! – отрапортовал второй тюремщик. Тот, что был в дешевом костюме, кивнул. – Вот он.

Матиас откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Фортунато почувствовал, как что-то коснулось его сознания.

– Ну? – спросил Роман.

– Ничего серьезного, – отозвался Матиас. – Телепатия, немного телекинеза, но совсем слабенькие. Сомневаюсь, чтобы ему было под силу хотя бы замок вскрыть.

– И что ты скажешь? Стоит боссу его опасаться?

– Не вижу оснований. Можете подержать его еще немного за убийство того недоноска. Посмотрим, что выйдет.

– Что толку? – заметил Роман. – Он заявит, что это была самозащита. Судья еще и медаль ему даст. До этой малолетней шушеры все равно никому дела нет.

– Отлично, – сказал Матиас. Потом обратился к тюремщикам: – Можете вышвырнуть его отсюда. Он нам больше не нужен.

Прошел еще час, прежде чем он снова очутился на улице, и, разумеется, никто не предложил подвезти его до дома. Но его это устраивало. Как раз Джокертаун ему сейчас и был нужен.

Он уселся на крыльце участка и попытался отыскать сознание Эйлин.

И обнаружил, что упирается в глухую кирпичную стену тупика. Ни мыслей, ни чувств не было. Он пытался пробиться сквозь пелену, затягивавшую ее мысли, когда вдруг почувствовал, что ее мочевой пузырь не выдержал, и ощутил, как теплая моча растекается под ней лужей и быстро остывает.

– Эй, приятель, здесь не спят.

Фортунато вышел на улицу и взмахнул рукой, останавливая такси. Он просунул в щелку металлического ящичка двадцатку и сказал:

– На юг. Быстро.

Фортунато вылез из такси на Кристи, чуть южнее перекрестка с Гранд-стрит. Эйлин не шевелилась. Сознание ее было пусто. Он присел рядом с женщиной на корточки и попытался понять, что с ней сделали, но это было невыносимо, и он побрел по переулку. Наткнулся на мусорный бачок и принялся молотить по нему кулаками, пока не разбил их в кровь. Тогда он вернулся назад и сделал еще одну попытку.

Он открыл рот – хотел что-то сказать. И не смог. В голове у него не осталось ни единого слова, одни окровавленные красные клочья и волна кислоты, застилавшая глаза.

Из автомата он вызвал «скорую», потом вернулся к Эйлин. Рот у нее был приоткрыт, и из уголка губ на блузку стекала тонкая струйка слюны. Смотреть на нее было невыносимо. Он закрыл глаза, потянулся к ней своим разумом и остановил ее сердце.

Храм найти было несложно. Он оказался всего в трех кварталах оттуда. Фортунато просто прошел по энергетическому следу, оставленному людьми, которые бросили Эйлин в переулке.

Он стоял напротив сложенной из кирпича церкви. Ему приходилось постоянно моргать, чтобы перед глазами все не расплывалось. Следы вели в здание, а еще два или три других уходили прочь. Но Бэлзам все еще оставался внутри. Бэлзам, Кларк и еще дюжина других.

Это было хорошо. Он хотел бы убить их всех, но удовольствуется и теми, кто сейчас там. Их монетами и золотыми масками, их ритуалами и храмом – всем тем, что участвовало в заговоре воцарения чудовищного инопланетного зла на Земле, что проливало кровь, губило чужие души и ломало чужие жизни. Он хотел покончить с этим – раз и навсегда.

Стоял дикий холод, ночь казалась пустотой, бездушной, как космос, высасывала тепло и жизнь из всего, к чему прикасалась. Щеки у Фортунато сначала горели, потом онемели.

Он забрал обратно ту энергию, что отдал Эйлин, но ее оказалось недостаточно.

Несколько секунд он стоял, дрожа от бессильного гнева, готовый броситься в здание с голыми, разбитыми в кровь руками. Потом увидел на углу женщину в коротких черных брючках, кроличьей шубке и боа из искусственного меха – она стояла в классической позе под фонарем. Фортунато медленно поднял руку и махнул ей.

Проститутка остановилась перед ним, окинула его опасливым взглядом.

– Привет, – произнесла она. Кожа у нее была рыхлая, пористая, глаза тусклые. – Хочешь расслабиться?

Он вытащил из кармана куртки стодолларовую купюру и расстегнул брюки.

– Что, прямо здесь, на улице? Да, красавчик, тебя, должно быть, хорошо приперло. – Шлюха оглядела сотню и опустилась на колени. – Бр-р, до чего же асфальт холодный. – Она пошарила у него в штанах и подняла на него глаза. – Черт, а это что за дерьмо? Засохшая кровь?

Он вытащил еще одну сотню. Женщина секунду поколебалась, потом спрятала обе купюры в сумочку и зажала ее под мышкой.

От первого же прикосновения ее губ Фортунато мгновенно пришел в полную готовность. По ногам прокатилась горячая волна, отозвавшаяся болью в коже черепа и в ногтях. Он запрокинул голову и уперся взглядом во второй этаж старой церкви.

Ему хотелось употребить свою силу на то, чтобы оторвать весь квартал от земли и зашвырнуть его в космос, но сил у него сейчас не хватило бы даже на то, чтобы выбить стекло. Он осмотрел кирпичи, деревянные балки и электрические провода и тут заметил то, что искал. Он взглядом проследил трубу газопровода от того места, где она уходила в подвал, до магистрали и обратно, потом начал нагнетать в нее газ, наращивая давление так же, как оно нарастало у него внутри, пока наконец трубы не завибрировали, стены не задрожали, а известка не начала крошиться.

Проститутка подняла глаза и увидела, как по стене разбегаются трещины.

– Спасайся! – крикнула она.

Стук ее каблуков затих вдали; Фортунато протянул руку и нажал пальцем точку у основания члена, поворачивая вспять горячую волну эякуляции. Пах словно объял огонь, а на чердаке храма черная стальная труба согнулась и выскочила из патрубков. Под давлением вырвавшейся струи газа она упала на землю и высекла искры из оштукатуренной деревянной стены.

На мгновение здание вспухло, как будто в него хлынула вода, а потом расцвело шаром коптящего оранжевого пламени. На стену дома, у которого стоял Фортунато, обрушилась лавина кирпичей, но он стоял, не сводя глаз с пожара, пока ему не опалило брови и не начала тлеть одежда. От грохота взрыва по всей улице из окон вылетели стекла, а когда он наконец утих, на смену ему пришел вой сирен и сигнализации.

Он пожалел, что не слышал, как они вопили.

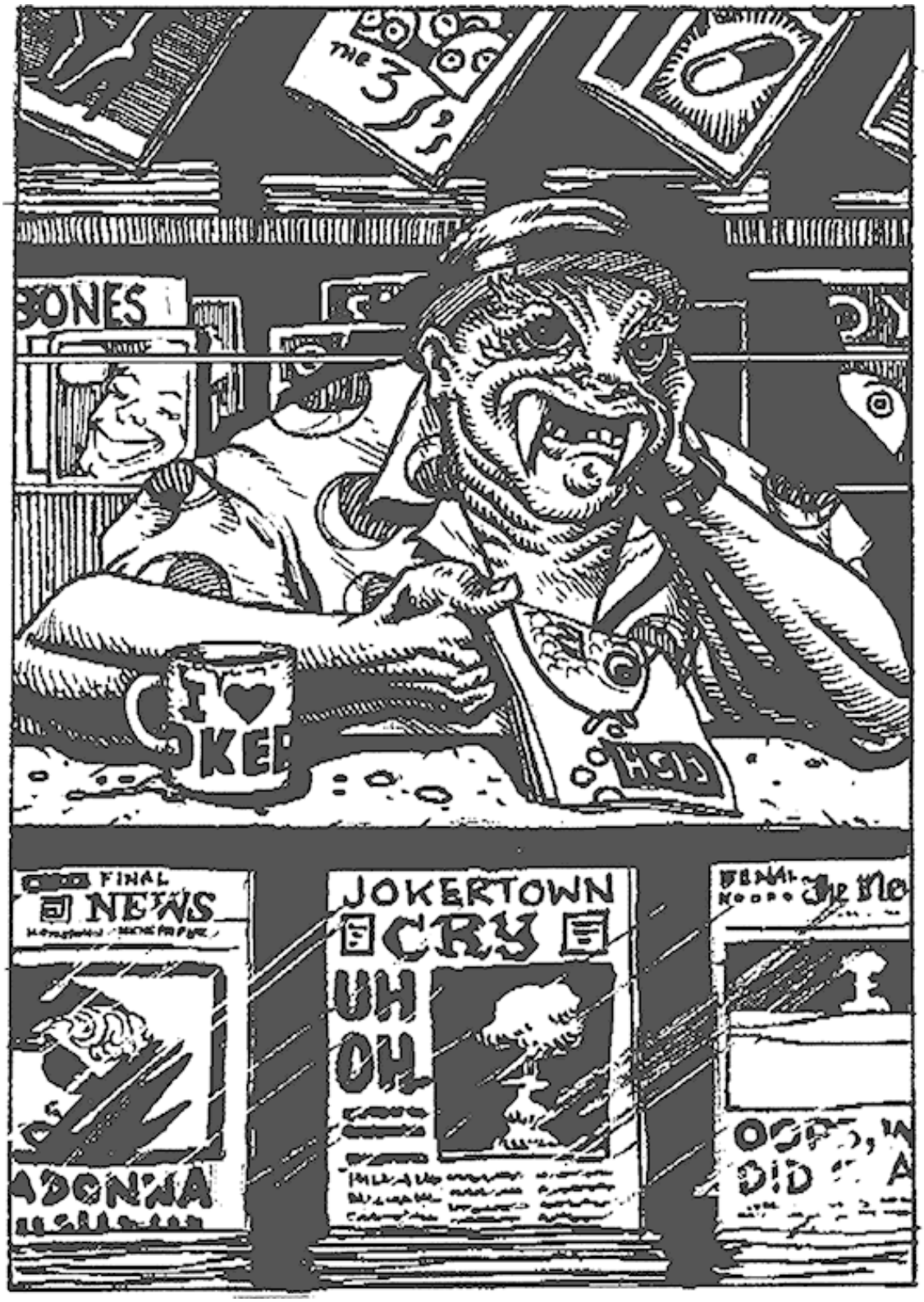
В конце концов одно такси все-таки затормозило. Водитель хотел отвезти его в больницу, но Фортунато при помощи еще одной сотенной купюры разубедил его.

В свою квартиру он поднимался так долго, как никогда в жизни. В спальне подушки еще хранили аромат духов Эйлин.

Фортунато прошел в кухню, достал литровую бутылку виски и выцедил ее всю, глядя на красное зарево пожара, нехотя угасающее над Джокертауном.

Когда он в конце концов отключился на диване, ему приснились щупальца, влажная упругая плоть и клювы, которые открывались и закрывались с протяжным раскатистым хохотом.

1985



Джордж Р. Р. Мартин. Джуб: Один

Джуб закрыл свой киоск на ночь, погрузил на тележку нераспроданные газеты и отправился на ежевечерний обход джокертаунских баров.

До Дня благодарения оставалось меньше недели, и холодный ноябрьский ветер, гулявший по Боуэри, сёк, как бритва. Джуб ковылял вперед, одной рукой придерживая на голове видавшую виды плоскую шляпу, а другой волоча за собой по выщербленному тротуару двухколесную тележку. Штаны у него были такие широкие, что из них вполне получился бы небольшой цирковой шатер, гавайская рубаха была разрисована загорелыми серфингистами на голубом фоне; куртки он не носил. Джуб продавал газеты и журналы на углу Хестер-стрит и Боуэри с лета тысяча девятьсот пятьдесят второго, и никто ни разу не видел его в куртке. Когда его спрашивали, не холодно ли ему, Джуб обнажал в усмешке два маленьких кривых клыка, хлопал себя по жирному брюху и отвечал: «А мне большего утепления и не нужно, вот так-то, сэр».

Если он надевал обувь на каблуках, то оказывался почти на дюйм выше обычных пяти футов, и это при наличии трехсот фунтов маслянистой иссиня-черной плоти, своим видом напоминавшей расплавленный каучук. Лицо у Джуба Бенсона было широкое и щербатое, череп щетинился пучками жестких рыжих волос. От него пахло пережаренным попкорном, а анекдотов он знал, как никто другой в Джокертауне.

Джуб проворно трусил по улице, ухмылялся прохожим, предлагал свои газеты пассажирам проезжавших мимо машин – даже в столь поздний час главная артерия Джокертауна отнюдь не пустовала. В «Доме смеха» он оставил швейцару кипу «Дейли ньюс» для раздачи посетителям и «Таймс» для владельца, Десмонда. Через пару кварталов его ждали в «Хаос-клубе», куда он тоже занес пачку газет. Джуб приберег экземпляр «Нэшнл информер» для Светляка. Портье сжал газету костлявой рукой.

– Спасибо, Морж.

– Прочитай всем, – посоветовал Джуб. – Пишут, изобрели новое лекарство, которое превращает джокеров в тузов.

Светляк рассмеялся.

– И впрямь. – Он начал перелистывать страницы, и по его светящемуся лицу расплылась улыбка. – Эй, погляди только, Сью Эллен собирается вернуться к Дж. Р.

– Уже в который раз, – заметил Джуб.

– Теперь она хочет родить ему маленького джокеренка, – уточнил Светляк. – Бог ты мой, и откуда только берутся такие безмозглые курицы? – Он сложил газету и зажал ее под мышкой. – Ты слыхал? Гимли возвращается.

– Да что ты! – отозвался Джуб.

Дверь за спиной у них открылась. Светляк подскочил и придержал ее, потом подозвал такси для вышедшей хорошо одетой парочки. Он помог им занять места и протянул мужчине бесплатный экземпляр «Дейли ньюс», за что получил пять долларов. Купюра мгновенно исчезла с его ладони, и Светляк подмигнул Джубу. Тот махнул рукой и отправился дальше, а фосфоресцирующий портье с «Информером» в руке задумчиво уставился ему вслед.

«Хаос-клуб» и «Дом смеха» были шикарными заведениями; что касается баров, закусочных и кафе в стороне от центральных улиц, то здесь редко удавалось заработать, хотя Моржа везде знали и позволяли предлагать свои газеты сидящим за столиками посетителям. Джуб забежал в «Преисподнюю» и в «Кухню Волосатика», сыграл партию в шаффлбоард в «Подвальчике Хлюпика», занес номер «Пентхауса» Уолли из одноименной забегаловки. У «Пивной Черного Майка», задержавшись под неоновой вывеской, он терпеливо выслушал рассказ двух поджидавших клиентов девочек об одном политике-натурале, обладателе весьма нетрадиционных вкусов, которого они обслуживали вдвоем.

Он оставил «Таймс» для капитана Макферсона у дежурного сержанта в джокертаунском полицейском участке и продал «Спортинг ньюс» переодетому детективу, который почему-то решил, что Джуб может дать ему кое-какие сведения о «Неистовых джокерах», где на прошлой неделе прямо на сцене кастрировали какого-то мужчину-проститутку. В «Кривом драконе» на границе китайского квартала Джуб избавился от китайских газет, после чего направился к «Шизикам» на Четэм-сквер, где продал экземпляр «Дейли ньюс» и с полдюжины «Джокертаунских криков».

Редакция «Крика» располагалась на другой стороне площади. Ночной редактор всегда брал «Таймс», «Дейли ньюс», «Пост» и «Вилледж войс» и угощал Джуба чашечкой мутноватого черного кофе.

– Что-то сегодня за всю ночь ничего интересного, – пожаловался Крабовик, жуя незажженную сигару и клешнями перелистывая страницы конкурирующих изданий.

– Говорят, легавые собираются прикрыть джокерскую порностудию на Дивижн-стрит. – Джуб мелкими глоточками потягивал кофе.

Крабовик прищурился.

– Думаешь? Я бы на твоем месте не был так уверен, Морж. У них там все схвачено. Они же принадлежат семье Гамбионе, если не ошибаюсь. Откуда у тебя такие сведения?

Джуб растянул каучуковые губы в ухмылке.

– Шеф, я свои источники не раскрываю. Хочешь анекдот? Один парень женился на джокерше, роскошной красотке: длинные белокурые волосы, ангельское личико и тело тоже под стать. В брачную ночь она приходит к нему в спальню в белой ночнушке и говорит ему: «Милый, у меня две новости, одна хорошая, другая плохая». Он говорит: «Давай сперва хорошую». Тогда она продолжает: «Хорошая новость – это что из-за дикой карты я стала такой», – и она крутится перед ним и строит ему глазки, пока он уже не начинает пускать слюни от восторга. «А какая же тогда плохая новость?» – спрашивает он. «Плохая, – отвечает она, – это то, что на самом деле меня зовут Джозефом».

Крабовик поморщился.

– Иди-ка ты отсюда.

Завсегдатаи заведения Эрни разобрали еще несколько «Криков» и «Дейли ньюс», а для самого Эрни у него в запасе был выпуск «Ринга», который вышел сегодня днем. Ничего интересного не происходило, и Эрни угостил его стаканчиком пинаколады, а Джуб рассказал ему свой анекдот о джокерше-новобрачной, у которой было две новости для своего мужа.

Продавец из круглосуточной пирожковой взял «Таймс». Когда Джуб свернул на Генри-стрит, которая была конечным пунктом его путешествия, пухлая кипа так полегчала, что тележка прямо-таки летела над асфальтом.

У навеса над входом в «Хрустальный дворец» стояли три машины такси, караулившие пассажиров.

– Эй, Морж, – окликнул его один из шоферов. – «Крик» есть?

– А как же! – отозвался Джуб.

Он отдал газету и получил взамен монетку. Вместо правой руки у таксиста был пучок тонких змеистых щупальцев, а вместо ног – ласты, но его машина была оборудована ручным управлением, а по городу он мог бы проехать даже с закрытыми глазами. И на чаевых зарабатывал весьма неплохо. В последнее время найти таксиста, который говорил бы по-английски, стало так трудно, что пассажиры уже не обращали никакого внимания на его внешность.

Швейцар втащил тележку Джуба по каменным ступенькам главного входа в трехэтажный дом начала века. Очутившись внутри обставленного в викторианском стиле вестибюля, Джуб оставил шляпу и тележку в гардеробе, зажал газеты под мышкой и вошел в огромный сводчатый зал. Элмо, карлик-вышибала, тащил к двери кальмаролицего мужчину в маске с блестками. На виске у того расплывался багровый синяк.

– Что он натворил? – поинтересовался Джуб.

– Натворить не натворил, но собирался.

Коротышка толкнул витражные двери; кальмаролицый мешком висел у него на плече.

В «Хрустальном дворце» еще оставались последние припозднившиеся посетители. Джуб обошел главный зал – в боковые зальчики с их укромными занавешенными альковами он редко заглядывал – и продал еще несколько газет. Потом взгромоздился на высокий табурет у длинной стойки красного дерева. Бармен Саша смешивал коктейль «Удар копытом», и его безглазое лицо с тонкой полоской усиков отражалось в зеркале. Бокал он без единого слова – и не потребовав денег – поставил перед Джубом.

Джуб потягивал напиток, когда сбоку вдруг пахнуло слабым ароматом знакомых духов. Он повернул голову и увидел, что на соседний табурет села Кристалис.

– Доброе утро, – сказала она. Голос у нее был ровный, с легким британским акцентом. Одну ее щеку украшала спираль из серебристых блесток, и прозрачная плоть под ней превращала ее в туманность, застывшую над белым пятном черепа. Губы она покрыла серебристым же блеском, длинные ногти сверкали, словно кинжалы. – Как идут дела, Джубал?

Он осклабился.

– Слышала анекдот о новобрачной-джокерше, у которой была для мужа одна хорошая новость и одна плохая?

Призрачно-серые тени лицевых мышц изогнули ее посеребренные губы в гримаске.

– Пощади мои уши.

– Как скажешь. – Джуб приложился к своей соломинке. – В «Хаос-клубе» в коктейли вставляют такие маленькие зонтики.

– В «Хаос-клубе» напитки подают в кокосовых орехах.

Джуб обхватил свой бокал обеими руками.

– Слушай, помнишь ту контору на Дивижн-стрит, ну где снимают порнуху? Я слышал, за ней стоят Гамбионе.

– Все об этом знают! – фыркнула Кристалис.

Заведение закрывалось. Загорелся яркий свет. Элмо начал обходить зал, поднимая стулья на столы и выпроваживая засидевшихся посетителей.

– Тролля назначают новым начальником службы безопасности в клинике Тахиона. Док сам мне сказал.

– В рамках борьбы с дискриминацией джокеров? – сухо спросила Кристалис.

– Отчасти, – согласился Джуб. – Но еще и потому, что он девяти футов ростом, зеленый и практически неуязвимый. – Он с шумом высосал остатки коктейля и принялся соломинкой перемешивать ледяную крошку на дне. – Один легавый вышел на кого-то в «Неистовых джокерах».

– Он ничего не раскопает, – отрезала Кристалис. – А если раскопает, то очень об этом пожалеет.

– Будь у них хоть капелька мозгов, они просто спросили бы тебя.

– Во всем городском бюджете не хватит денег, чтобы расплатиться за *эту* информацию. Что у тебя еще? Ты всегда приберегаешь самое интересное напоследок.

– Не уверен, что тебя это заинтересует. – Джуб повернулся, чтобы видеть ее лицо. – Но я слышал, что Гимли возвращается домой.

– Гимли? – Ее тон был небрежным, но темно-синие глаза, подвешенные в глазницах черепа, впились в него пристальным взглядом. – Это интересно. Есть какие-нибудь подробности?

– Пока никаких. – Джуб покачал головой. – Узнаю – расскажу.

– Непременно.

У Кристалис имелись информаторы по всему Джокертауну. Но Джуб Бенсон был одним из самых надежных. Все его знали и любили, и каждый был рад перекинуться с ним словечком.

В ту ночь Джуб вышел из «Хрустального дворца» последним. Начинался снегопад. Морж фыркнул, решительно натянул шляпу и поплелся по Генри-стрит, волоча за собой опустевшую тележку. Когда он проходил под Манхэттенским мостом, его нагнала полицейская машина. Она затормозила; окно приоткрылось.

– Эй, Морж, – окликнул его сидевший за рулем чернокожий полицейский. – Снег же идет, джокер безмозглый. Яйца себе отморозишь.

– Яйца? – переспросил Джуб. – А кто сказал, что у джокеров есть яйца? Я люблю такую погоду, Чез. Взгляни только, как порозовели мои щечки!

Он ущипнул себя за иссиня-черную маслянистую щеку и прыснул.

Чез вздохнул и распахнул заднюю дверь машины.

– Садись. Я подвезу тебя до дома.

Через несколько минут автомобиль затормозил у пятиэтажного дома на Элдридж-стрит. Джуб бросил взгляд на окно своей квартиры, расположенное почти у самого тротуара. Его полностью закрывал здоровенный допотопный кондиционер, чей ржавый корпус уже успело замести снегом.

Морж оставил тележку под крыльцом у мусорных бачков, открыл замок на двери, распахнул ее и щелкнул выключателем. Несколько красных лампочек на потолке залили помещение тусклым алым светом. В комнате был настоящий ледник – лишь немногим теплее, чем на улице. Джуб никогда не включал отопление. Раз или два в год к нему приходили с проверкой из газовой компании, чтобы убедиться, что он не подкручивает счетчик.

Карточный столик у окна был заставлен мисками с гниющим позеленевшим мясом. Джуб снял рубаху, под которой обнаружилась широкая грудь с шестью сосками, насыпал в стакан льда и выбрал самый залежалый кусок мяса.

В спальне на полу лежал голый матрас, а в углу красовалось его последнее приобретение – новехонькая ванна, которую он установил напротив широкоэкранного проекционного телевизора. Сбросив штаны, с куском мяса в руке Джуб осторожно опустился в ледяную воду. За последние двадцать три года он неплохо изучил людей, но так и не смог понять, какое удовольствие они находят в том, чтобы мокнуть в обжигающе-горячей воде. Даже у такисиан и то больше здравого смысла.

Включив телевизор с помощью пульта, Морж начал смотреть новости, которые записал на видеомагнитофон. Мясо он закинул в широкий рот и принялся медленно пережевывать его, внимая каждому слову, которое произносил ведущий – Том Брокау. Как это все расслабляет… но когда новости закончились, настала пора приниматься за работу.

Джуб выбрался из ванны, рыгнул и энергично растерся полотенцем с изображением утенка Дональда. Всего часик, не больше, пообещал он себе, шлепая по комнате и оставляя на дощатом полу мокрые следы. Он действительно устал, но работу нужно было сделать, или он отстанет еще больше.

Остановившись у стены, Морж принялся набирать на пульте длинную последовательность цифр. Едва он нажал последнюю кнопку, как кирпичная стена перед ним вдруг исчезла. Джуб двинулся в подвал, когда-то служивший кочегаркой. Всю дальнюю стену занимал голокуб, по сравнению с которым даже его проекционный телевизор казался крохотным. Вокруг кресла, сделанного с расчетом на его внушительные габариты, тянулась подковообразная консоль. Все стены потайного помещения были уставлены приборами; назначение одних с первого взгляда стало бы ясно любому школьнику, а другие привели бы в замешательство и самого Тахиона.

Несмотря на свою примитивность, оборудование служило Джубу как нельзя лучше. Он уселся в кресло, включил питание от ядерной батареи и взял в руки кристаллический стер-

жень размером с детский мизинец. Когда он вставил этот стержень в соответствующее гнездо на консоли, кристалл засветился изнутри, и Джуб начал диктовать свои последние наблюдения и выводы на языке, который с равным основанием можно было бы называть и музыкой, и какофонией: лай, свист, какие-то икающие звуки и щелчки. Если вдруг меры предосторожности окажутся недостаточными, это сообщение все равно не поймут – ведь в радиусе сорока световых лет не было другого разумного существа, которое говорило бы на его родном языке.

Уолтер Йон Уильямс. До шестого колена. Пролог

Его плоть все еще тлела, опаленная чужой атмосферой. Перегретая кровь струилась из дыхальцев. Он пытался закрыть их, удержать последние капли жидкости, но потерял способность контролировать собственное дыхание. Во время спуска все жидкости его организма вскипели и вырвались сквозь мембраны, как пар из взорвавшегося котла.

В конце улицы вспыхнули огни и ослепили его. В ушах что-то трещало. Его кровь дымилась на холодном асфальте.

Прародительница Роя засекла корабль и ударила по нему мощным ионным зарядом, который генерировало ее гигантское планетоидное тело. Все-таки ему удалось послать сигнал Джуббену, находившемуся на поверхности планеты, прежде чем хитиновый покров его корабля разлетелся на части. Схватив сингулярный переместитель – экспериментальный источник энергии, разработанный его расой, он выскочил в непроницаемую тьму безвоздушного пространства. Мгновением позже выяснилось, что переместитель был поврежден во время атаки и не подчинялся управлению.

Он попытался сосредоточиться и вырастить новую плоть, но у него ничего не вышло. Неужели это смерть?

Жизнь утекала из него, и необходимо было остановить процесс. Неподалеку находился металлический контейнер, довольно большой, с откидной крышкой. Терзаемый обжигающей болью, он покатился по влажному асфальту и единственной неповрежденной ногой поддел крышку. Хорошо, что нога была мощной, натренированной в прыжках в небо его мира. Преодолевая придавливающую его к земле гравитацию – совсем не такую, как на его планете, – он рванулся вверх. Мышцы затрещали от напряжения.

Металл загудел, когда он рухнул внутрь, какие-то субстанции под ним громко затрещали.

Отраженным инфракрасным излучением сияло чужое небо, а он лежал на куче кусочков органической материи, смятых и спрессованных, покрытых какими-то цветными узорами. Затем, схватив их щупальцами и ресничками, он принялся драть их на полосы и прижимать к своим кровоточащим дыхальцам.

До него донеслись органические запахи – когда-то здесь была жизнь, но она прекратилась.

Он потянулся к животу за переместителем, вытащил его и прижал к развороченной груди. Если ненадолго остановить время, исцеление возможно. Потом надо будет связаться с Джуббеном и, если переместитель поврежден не слишком сильно, совершить прыжок, ориентируясь на полученные координаты.

Переместитель загудел. Сполохи света – побочный эффект – разогнали мрак контейнера. Время замерло.

– В общем, вчера вечером мне позвонила соседка Салли…

До него, заключенного в свой временной кокон, донесся чей-то приглушенный голос, отозвавшись в черепе слабым эхом.

– И вот Салли говорит: Хильди, представляешь, мне только что позвонила моя сестра Маргарет из Калифорнии. Помнишь Маргарет – вы еще вместе ходили в школу Святой Марии…

Что-то глухо бухнуло в металлическую стенку рядом с его слуховыми щупальцами. Сияющий инфракрасный спектр ночи заслонил силуэт. Мучительная боль вернулась – к его телу что-то прикасалось.

– Ну разумеется, я помню Маргарет, говорю я. Она училась на класс младше. Монахини вечно ее ругали за то, что она жевала жвачку.

Что-то дернуло за его переместитель. Он прижал его к себе в попытке протестовать.

– Эй, приятель, убери лапы, – проговорил быстрый сердитый голос. – Я первая увидела.

Он различил лицо. Бледная плоть, вымазанная грязью, оскаленные зубы, серые реснички, свисающие из-под какого-то неорганического выступа.

– Не надо, – попросил он. – Я умираю.

Существо резко вырвало у него переместитель. По телу неторопливой пульсирующей волной разлилась боль, и он закричал:

– Эй, это мое!

Снова вернулась медленная холодная смерть.

– Вы не понимаете, – твердил он. – Рядом с вашей планетой – Прародительница Роя.

Голос продолжал гудеть. Предметы в контейнере трещали и звенели.

– В общем, Маргарет, говорит Салли, вышла за инженера из «Боинга». В год зашибает как минимум пятнадцать тысяч. В отпуск то на Гавайи, то в Сен-Томас ездят, представляешь себе?

– Пожалуйста, послушайте. – Боль все усиливалась. Он знал, что у него совсем немного времени. – Прародительница Роя уже обрела разум. Она догадалась, что я узнал ее, и мгновенно ударила в меня.

– Но она и знаться со мной не желает, говорит Салли. Там, у себя, на другом побережье Америки, и в ус не дует…

– Следующим этапом будет Рой первого поколения. Скоро они, направляемые Прародительницей, атакуют вашу планету. Пожалуйста, послушайте.

– В общем, я отправила мать в дом престарелых, говорит, у нее там такая хорошенькая квартирка. Но там хотят, чтобы мы давали ей еще пять долларов в месяц.

А Маргарет ей: у меня, мол, нет денег. В Калифорнии, мол, все дорого.

– Вам угрожает ужасная опасность. Пожалуйста, послушайте.

И снова в металлическую стенку что-то грохнуло. Голос стал тише, как будто удалялся.

– Можно подумать, у нас здесь легче. Вон у Салли пятеро ребятишек, две машины, да еще и за дом кредит надо выплачивать, а Билл говорит, дела в агентстве совсем из рук вон.

– Рой. Рой. Найдите Джуббена!

Существо уходило, а он умирал. Вещество под ним промокло от его крови. Каждый вздох давался с мучительным трудом.

– Как здесь холодно, – сказал он.

С неба закапали слезы, металл ответил приглушенным звоном. Слезы были кислотные.

Джордж Р. Р. Мартин. Джуб: Два

Обитатели меблированных комнат на Элдридж-стрит праздновали Рождество, и Джуба нарядили Санта-Клаусом. Он немного не вышел ростом для этой роли, к тому же среди Санта-Клаусов, выставленных в витринах, нечасто встречались обладатели клыков – зато его «хо-хохо» было бесподобно.

Вечеринку устроили в зальчике на первом этаже. В этом году ее пришлось проводить раньше, поскольку на следующей неделе миссис Холланд должна была вылететь в Сакраменто к внуку на все праздники, а отмечать без миссис Холланд, которая жила в этом доме почти так же давно, как Джуб, и разделила со всеми немало горестей, никто не соглашался.

За исключением отца Фэя, пьяницы иезуита с пятого этажа, остальные обитатели меблированных комнат были джокерами, и ни у одного из них не хватило бы денег, чтобы одарить к Рождеству всех своих соседей. Поэтому каждый покупал всего один подарок, потом их складывали в большую брезентовую почтальонскую сумку, а Моржу поручали хорошенько перемешать их и раздать. Джубу нравилось этим заниматься. Человеческие обычаи в области дарения подарков не могли не восхищать, и он даже собирался написать о них научную работу – разумеется, после того, как завершит свой трактат о человеческом юморе.

Начинал он всегда с Клецки, огромного сливочно-белого мягкого существа, который жил с чернокожим по имени Глянец в квартире на втором этаже. Клецка был тяжелее Джуба на добрую сотню фунтов, а силы в нем было столько, что он не реже раза в год срывал с петель входную дверь (чинил которую все тот же безотказный Глянец). Клецка обожал роботов, кукол, игрушечные грузовики и пластмассовые пистолеты, которые громко стреляли, но ломал все это в течение нескольких дней, а те игрушки, которые приходились ему особенно по душе, – за несколько часов.

Джуб завернул его подарок в серебряную фольгу, чтобы не отдать по ошибке кому-нибудь другому.

– Ух ты! – воскликнул Клецка, когда разорвал обертку. Он поднял подарок над головой, чтобы все видели. – Лучевой пистолет! Ух ты! Ух ты!

Игрушка была дымчатого красно-черного цвета, а ее линии, плавные и чувственные, почему-то вызывали смутную тревогу. Когда великанская лапища джокера сжала рукоятку и навела тонкое, с карандаш толщиной, дуло на миссис Холланд, где-то в глубине пистолета замерцали светящиеся точки. Клецка восторженно завопил, увидев, что микрокомпьютер внутри уточнил его прицел.

– Это какая-то игрушка, – протянула Келли, миниатюрная изящная женщина с четырьмя лишними руками.

– Хо-хо-хо, – пророкотал Морж. – Она еще и не ломается.

Клецка искоса взглянул на старого мистера Крикета и нажал на спусковой крючок, не забыв громко изобразить стрельбу.

Глянец рассмеялся.

– Спорим, что Клецка сумеет?

– Проиграешь, – предупредил Джуб.

Лай'баровый сплав был настолько плотным и прочным, что выдержал бы и небольшой термоядерный взрыв. В свой первый год в Нью-Йорке Джуб не расставался с пистолетом, но портупея стала ему натирать, а потом оружие вообще стало слишком большой помехой. Разумеется, силовой элемент был из него предусмотрительно вынут, а деструктор не принадлежал к числу тех приборов, которые можно привести в действие при помощи пальчиковой батарейки.

Кто-то сунул ему в руку кружку с эгг-ногом, от души сдобренным ромом и мускатным орехом. Морж сделал щедрый глоток, расплылся в довольной улыбке и продолжил раздавать подарки. Следующей подошла Келли и вытащила абонемент в местный кинотеатр. Дентону с четвертого этажа досталась шерстяная вязаная шапочка, которую он нацепил на рога, чем вызвал взрыв всеобщего смеха. Реджинальд, которого соседские ребятишки звали за глаза Кочаном, стал обладателем электробритвы; Глянец получил длинный разноцветный шарф. Все оглядывали друг друга, хохотали и менялись подарками.

Джуб уже обошел по кругу всех своих соседей. Обычно в сумке оставался подарок для него, но в этом году сумка опустела после того, как миссис Холланд вытащила оттуда билет на мюзикл «Кошки». Недоумение, должно быть, отразилось у него на лице, потому что все засмеялись.

– Мы не забыли про тебя, Морж, – сказал Чаки, паренек с паучьими ногами, служивший посыльным на Уолл-стрит.

– В этом году мы все скинулись и купили тебе кое-что особенное, – добавил Глянец.

Миссис Холланд вручила ему сверток. Он был маленьким, а упаковывали его явно в магазине. Джуб осторожно развернул бумагу.

– Часы!

– Это не часы, Морж, это хронометр! – поправил Чаки. – С самозаводом, водонепроницаемый и ударопрочный в придачу.

– Эти часы показывают дату, и фазу луны, и… черт, да все, что угодно, кроме, пожалуй, когда у твоей подружки эти дела.

– Глянец! – возмущенно одернула его миссис Холланд.

– Ты таскаешь свои часы с Микки-Маусом, сколько я тебя помню, – сказал Реджинальд. – Вот мы и решили, что тебе пора сменить их на что-нибудь посовременнее.

Хронометр был дорогущий. Так что, разумеется, Джубу не оставалось ничего иного, как надеть его. Толстяк снял с запястья допотопного Микки и просунул руку в новехонький, из гибкого металла, браслет. Свои старые часы он очень осторожно пристроил на каминной полке, подальше от любопытных глаз, а потом обошел зал и поблагодарил каждого.

Праздник начался. Старый мистер Крикет выбивал ногами «Джингл Беллз», а миссис Холланд раскладывала по тарелкам индейку, которую выиграла в церковной лотерее (Джуб хорошенько распотрошил свою порцию, чтобы казалось, что он к ней приложился), эгг-ног лился рекой, а когда стало совсем поздно, Морж рассказал кое-какие анекдоты из своего арсенала.

Наконец он решил, что пора отправляться спать: у его помощника завтра был выходной, так что ему самому ни свет ни заря придется открывать свой киоск. Но когда Джуб по пути к выходу подошел к каминной полке, часов с Микки-Маусом на ней не оказалось.

– Мои часы! – воскликнул он.

– Зачем тебе это старье, когда теперь у тебя есть новые? – удивилась Келли.

– На память, – ответил Джуб.

– Я видел, как ими играл Клецка, – сказал Бородавочник. – Он любит Микки-Мауса.

Глянец давным-давно увел Клецку спать. Моржу пришлось подняться на этаж выше. Часы обнаружились у Клецки на ноге, и Глянец долго извинялся.

– Боюсь, он их испортил, – в заключение признался старик.

– Они очень прочные, – ответил Джуб.

– Они издавали какие-то звуки. – Глянец виновато глядел на него. – Жужжали. Думаю, там внутри что-нибудь сломалось.

Джуб не сразу понял, о чем тот говорит. Потом замешательство сменилось ужасом.

– Жужжали? Долго?

– Да прилично. – Глянец пожал плечами, передавая ему часы. Внутри послышался слабый пронзительный свист. – Ты хорошо себя чувствуешь?

Морж кивнул.

– Просто устал. Веселого Рождества.

И помчался вниз по ступеням с такой скоростью, на какую только был способен.

Очутившись в своей холодной полутемной квартире, Джуб поспешил прямиком в кочегарку. Естественно, на пульте горела фиолетовая лампочка, которую в системе световых сигналов Сети использовали для обозначения крайней опасности. Сердце у него оборвалось. Сколько она горела? Часы, *несколько часов,* и все это время он веселился! Ему стало тошно. Он упал в кресло и щелкнул кнопкой воспроизведения записи.

Голокуб изнутри озарился фиолетовым сиянием, и появился Эккедме со сложенными под головой задними прыжковыми ногами, отчего казалось, будто он скрючился в три погибели. Эмбе явно пребывал в состоянии сильнейшего возбуждения: реснички, покрывавшие его лицо, трепетали, пробуя воздух, щупальца на макушке крошечной головки отчаянно копошились. А затем фиолетовый фон сменился видом тесной капсулы одноместного космического корабля.

– Прародительница! – воскликнул Эккедме на торговом языке, с шумом выталкивая слова из дыхальцев, отчего они приобретали одышливый эмбийский акцент.

Голограмма пошла помехами. Когда мгновение спустя изображение восстановилось, эмбе вдруг как-то странно скособочился и, протянув тонкую, как прутик, переднюю конечность, прижал какой-то гладкий черный шар к белому меху на хитиновой груди. Он начал что-то говорить, но внезапно обшивка корабля у него за спиной вспухла – помещение наполнил ужасающий металлический визг – и распалась. Джуб с ужасом смотрел, как приборы и эмбе понесло к холодным немигающим звездам. Крепко вцепившись в шар, Эккедме задней ногой зацепился за зазубренный край пробоины в обшивке в попытке обрести точку опоры. Черное облако окутало эмбе; когда оно рассеялось, никакого изображения внутри голокуба не было.

Джуб перевел дыхание. Передача прервалась. Он еще раз запустил воспроизведение в надежде, что в первый раз чего-то не заметил, но смог досмотреть только до середины. Потом вскочил, бросился в туалет и изрыгнул из себя весь выпитый за вечер эгг-ног.

Когда Джуб вернулся и сел в кресло, самообладание вернулось к нему. Он должен думать, спокойно принимать решения. Паника и чувство вины ни к чему не приведут. Даже если бы часы были у него на руке, он все равно не успел бы спуститься достаточно быстро, чтобы ответить на вызов, и уж тем более ничем не смог бы помочь. И потом, у Эккедме был сингулярный переместитель – Джуб видел это своими глазами, – значит, эмбе непременно должен был спастись…

Вот только если он спасся – тогда где же он?

Джуб медленно огляделся по сторонам. В его каморке эмбе точно не было. Где его искать? Сколько он мог выносить земную силу тяжести? И что, в конце концов, произошло на орбите?

Мрачные размышления тем не менее не помешали ему выполнить всю процедуру связи со спутниками-сканерами. Их насчитывалось шесть – замысловатых приборов размером с мячик для гольфа, оборудованных риндарианскими датчиками. Эккедме использовал их для наблюдения за погодой, военными действиями, а также для перехвата радио– и телепередач, впрочем, им можно было найти и другие сферы применения. Джуб методично прочесал все небо в поисках корабля, но там, где тому полагалось находиться, обнаружились только разрозненные обломки.

Внезапно он почувствовал себя страшно одиноким. Эккедме был ему… нет, не другом в том понимании, в каком были его друзьями соседи или даже Кристалис и Крабовик, но… На самом деле у их видов даже не было почти ничего общего. Эккедме был одиночкой, загадочным и необщительным, и двадцать три года, которые он провел на орбите, заключенный

в тесную капсулу своего корабля, где, кроме наблюдений и размышлений, и заняться-то было нечем, только добавили ему странностей… Разумеется, именно поэтому Верховный Торговец выбрал его, когда звездолет «Шанс» прибыл для наблюдений за результатами грандиозного такисианского эксперимента в далеком тысяча девятьсот пятьдесят втором году по земному летоисчислению.

На него нахлынули непрошеные воспоминания. Громадный звездолет Сети кружил по орбите маленькой зеленой планеты и не находил ничего интересного. Да, туземная цивилизация подавала надежды, но едва ли стала более развитой по сравнению с тем, что они наблюдали во время прошлого визита несколько столетий назад. А хваленый такисианский вирус, дикая карта, как оказалось, только наплодил уйму уродов, калек и страшилищ. Но Верховный Торговец любил точность во всем, поэтому, когда «Шанс» улетал, он оставил двоих наблюдателей: эмбе на орбите и специалиста-ксенолога на поверхности. Идея спрятать своего агента у всех на виду, на улицах самого большого города этого мира, показалась Верховному Торговцу забавной. Что касается Джуббена, который подписал пожизненный контракт ради возможности повидать далекие миры, то для него это был редкий случай сделать важную работу.

И все же до сего дня он не сомневался в том, что «Шанс» когда-нибудь вернется за ним, чтобы, возможно, отвезти обратно к глетчерам и ледяным городам Глаббера, к тусклому красному солнцу. Они с эмбе никогда не были по-настоящему дружны, но Эккедме был для него кем-то не менее важным, чем друг. Только Джуб знал, что Эккедме там, в небе, – глаза и уши Сети; только Эккедме было известно, что продавец газет, джокер Джуб Бенсон по прозвищу Морж, на самом деле не кто иной, как Джуббен, ксенолог с Глаббера. Эмбе напоминал ему о родине и соплеменниках, был той ниточкой, что связывала его с прошлым, с «Шансом», а также с Сетью – ее ста тридцатью семью видами-членами, разбросанными по тысяче с лишним миров.

Джуб взглянул на часы, которые подарили ему друзья. Было уже больше двух часов ночи. Сигнал поступил без малого в восемь. Он сам ни разу не пользовался сингулярным перемещением – это был эмбийский прибор, приводимый в действие миниатюрной «черной дырой» и способный служить стазис-полем, телепортационным приспособлением и даже источником энергии, потому что Сеть ревностно оберегала его (возможно, по причине невообразимой дороговизны). Если переместитель дал сбой, то вместо того чтобы доставить Эккедме сюда, где Джуб оказал бы эмбе помощь, прибор мог перенести несчастного хоть в безвоздушное пространство или на дно океана – словом, куда угодно.

Морж покачал массивной головой. Итак, кто-то засек, атаковал и уничтожил корабль. У людей не было для этого ни средств, ни причин, это мог сделать только очевидный недруг Сети, и не исключено, что жизнь Джуба в опасности. Да, не следовало отдавать свое оружие Клецке…

Он еще раз просмотрел последнее сообщение эмбе в надежде обнаружить хотя бы намек на то, кем был неизвестный враг. «Прародительница!..» – воскликнул Эккедме. Какой-нибудь религиозный эмбийский призыв? Он взывал к самке, положившей начало его роду?

Следующие несколько часов Джуб провел в ванне, предаваясь размышлениям. Они были далеко не приятными, но неопровержимая логика приводила к одному-единственному выводу. У Сети имелось множество врагов, как внутренних, так и внешних, но по-настоящему могущественный конкурент в этом секторе космоса был всего один. Вид, столь схожий с человечеством и одновременно столь отличный от него, властолюбивый и надменный, неколебимо уверенный в собственном превосходстве над всеми остальными расами и неумолимо безжалостный, способный практически на любое, даже самое чудовищное преступление – если судить по тому, что они сотворили с Землей и что регулярно проделывали друг с другом.

Когда бессонная ночь подошла к концу и забрезжил рассвет, Джуб уже практически не сомневался в этом. Лишь такисианский корабль-симбионт мог сделать такое. Вот только при помощи лазера или призрак-копья? Если бы еще разбираться в этом оружии…

День выдался хмурый, слякотный и унылый, и настроение у Джуба, когда он открывал свой киоск, было под стать. Торговля шла совсем вяло. В восемь с небольшим на Боуэри показался доктор Тахион в белой шубе, на ходу пытаясь оттереть пятно с воротника.

– Что случилось, Джуб? – спросил Тахион, остановившись, как обычно, купить «Таймс». – Ты что-то неважно выглядишь.

Морж с трудом нашелся, что ответить.

– Э-э… да, док. Один мой друг… ну, в общем… он умер.

Он внимательно вглядывался в лицо собеседника – не промелькнет ли на нем виноватое выражение. Тахион непременно выдал бы себя, будь ему что-то об этом известно.

– Соболезную, – сказал Тахион полным искреннего сочувствия тоном. – Я сам на этой неделе потерял одного человека – санитара из клиники. Очень подозреваю, что его убили. В тот же самый день исчез один из моих пациентов, его звали Спектор. – Доктор вздохнул. – Да еще полиция хочет, чтобы я вскрыл одного беднягу, которого нашли в мусорном бачке в Челси. Макферсон сказал, он похож на мохнатого кузнечика. Из этого они сделали справедливый вывод, что он – один из джокеров. – Он устало покачал головой. – Однако пока им придется подержать его в холодильнике, я должен сначала организовать поиски мистера Спектора. Держи ухо востро, Джуб, и сообщай мне, если вдруг что-нибудь услышишь, ладно?

– На кузнечика, говорите? – Джуб старался говорить как можно более небрежным тоном. – На мохнатого кузнечика?

– Да, – подтвердил Тахион. – Надеюсь, это не кто-нибудь из твоих знакомых?

– Не знаю… Может, стоит сходить и взглянуть на него? Вы же знаете, у меня куча знакомых.

– Он в морге на Первой авеню.

– Не знаю, смогу ли я, – продолжал Джуб. – У меня нервы слабые. А там, в этом морге, как вообще?

Тахион заверил, что там совсем не страшно. Чтобы рассеять все возможные опасения, он описал и сам морг, и все процедуры. Джуб запоминал каждую мелочь.

– Что ж, похоже, это и впрямь не так ужасно, – сказал он наконец. – Пожалуй, схожу посмотрю.

Тахион рассеянно кивнул, поглощенный другими заботами.

– Понимаешь, этот парень, Спектор, ну который сбежал, – он был мертв, когда его принесли ко мне. Я спас ему жизнь. А если бы я этого не сделал, Генри мог бы остаться в живых. Разумеется, у меня нет никаких доказательств.

Такисианин зажал газету под мышкой и зашлепал по слякоти.

«Бедный Эккедме, – подумал Джуб. – Умереть в такой дали от дома…»

Он даже приблизительно не представлял себе, какие погребальные обряды сопровождали уход эмбе. Впрочем, у него вообще не было времени погоревать. Тахион ничего не знал – и не должен был узнать, присутствие Сети на Земле во что бы то ни стало останется тайной. Но если такисианин будет делать вскрытие, он все поймет, кто бы сомневался! Доктор принимал Моржа за джокера, и неудивительно: Джуб походил на человека не меньше любого – ну или почти любого – другого джокера и прожил в Джокертауне побольше самого доктора. Его родной Глаббер был настоящим захолустьем, бедной и никому не известной планетой. У них даже не было собственного космофлота, и едва ли больше сотни глаббериан когда-либо служили на больших звездолетах Сети. Вероятность того, что Тахион узнал бы в Джуббене глаббериянина, близилась к нулевой. Но эмбе обитали в десятке миров, а их корабли навещали

еще сотню других; они были такой же частью Сети, как Лай'бар, Кондикки, Аэвре или даже Верховные Торговцы. Один взгляд на его тело – и Тахион все поймет.

Джуб вскочил на ноги, почувствовав, как к горлу подступает паника. Нужно выкрасть труп, пока Тахион не увидел его. И переместитель тоже. Как же он мог о нем забыть? Если столь ценный прибор попадет в руки к такисианам… О последствиях даже страшно подумать. Но каким образом он его выкрадет?

У киоска остановился какой-то незнакомый мужчина. Джуб отвлекся от своих мыслей и поднял на него глаза.

– Газету?

– Каждой по одной – как обычно.

До Моржа не сразу дошло, но в конце концов ответ нашелся сам собой.

Роджер Желязны. Я стал как прах и пепел

Приемник шипел не переставая. Кройд Кренсон дотянулся до него, выключил и швырнул через всю комнату в мусорную корзину рядом с комодом. То, что он попал, показалось ему добрым знаком.

Потом он потянулся, откинул одеяло и осмотрел свое бледное обнаженное тело. Все как будто было на месте и выглядело пропорциональным. Кройд попробовал левитировать, но ничего не вышло; тогда он сел на кровати, свесив ноги. Провел рукой по волосам и обрадовался, что они у него есть. Проснуться – каждый раз приключение.

Он попытался стать невидимым, расплавить мусорную корзину усилием мысли и вызвать электрический разряд между кончиками пальцев. Из этого тоже ничего не выходило.

Тогда Кройд встал с кровати и пошел в ванную. Там он стал пить воду, один стакан за другим, одновременно разглядывая себя в зеркало. На этот раз у него были светлые волосы и глаза, правильные черты лица – в общем, вполне привлекательная внешность. Ростом он был, по собственной оценке, чуть выше шести футов. Хорошо было и то, что Кренсон уже бывал примерно такого роста и мускулистого телосложения: в шкафу должно висеть что-нибудь подходящее из одежды.

За окном был серый денек, на тротуаре по ту сторону улицы лежали остатки мокрого снега, а по сточному желобу текла струйка воды. На пути к шкафу Кройд остановился и достал из ящика под письменным столом тяжелый стальной стержень. Он без видимых усилий согнул железку пополам и скрутил в кольцо. «Значит, сила все-таки сохранилась», – подумал он, отправив металлический крендель в корзину вслед за радио. Нашлись рубашка и брюки, которые оказались ему впору, и твидовый пиджак, немного узкий в плечах. Потом Кренсон порылся в своей обширной коллекции обуви и отыскал себе подходящую пару.

Его часы фирмы «Ролекс» показывали восемь с небольшим, и зимой в это время бывает светло только утром – значит, было восемь утра. В желудке у него заурчало. Пора бы позавтракать, а потом решить, как жить дальше. Он заглянул в тайник, где прятал деньги, и взял оттуда две стодолларовые бумажки. «Кончаются, – подумал Кройд. – Надо идти в банк. А может, и грабануть его. Деньги на счету тоже скоро все выйдут. Ладно, потом».

С собой Кренсон захватил носовой платок, расческу, ключи и маленькую пластиковую баночку с пилюлями. Он не любил носить с собой документы. Без пальто тоже обходился – холод его беспокоил редко.

Заперев за собой дверь, Кройд прошел через холл и спустился по лестнице. Выйдя из дома, повернул налево и направился в сторону Бауэри[2], навстречу пронизывающему ветру. Перед закрытыми дверями магазина масок маячил, как пугало, высокий джокер. Нос у него был как сосулька, а видом он смахивал на мертвеца. Положив доллар в его протянутую руку, Кройд поинтересовался, который сейчас месяц.

– Декабрь, – ответило чучело, не двигая губами. – Рождество.

– Понятно.

По пути он испробовал несколько фокусов попроще, но не сумел ни разбить усилием мысли пустую бутылку из-под виски в сточном желобе, ни поджечь кучу мусора. Вместо ультразвука у него выходил какой-то мышиный писк.

В газетном ларьке, куда направлялся Кройд, сидел Джуб Бенсон, толстый коротышка, и читал одну из своих газет. Под светло-голубым летним костюмом Бенсона была видна желтая с оранжевым гавайская рубашка; из-под шляпы с плоской тульей и загнутыми полями торчали вихры рыжих волос. Похоже, холод ему тоже был нипочем. Когда Кройд остановился перед

[2] Район нью-йоркского «дна».

ларьком, он поднял хмурое лицо, толстое и изрытое оспой, с торчащими изо рта кривыми клыками.

– Вам газету? – спросил он.

– Все по одной, – ответил Кройд, – как всегда.

Джуб прищурил глаза и всмотрелся в стоящего перед ним человека. Потом вопросительно произнес:

– Кройд Кренсон?

– Ну да, Морж, это я. Как дела?

– Грех жаловаться, старик. На этот раз ты разжился подходящим телом.

– Я его еще не совсем освоил, – сказал Кройд, собирая газеты в стопку.

Джуб снова оскалил клыки.

– Угадай, какое занятие самое опасное в Джокертауне? – спросил он.

– Сдаюсь.

– Грабить мусоровозы. А слыхал, что стало с бабой, которая выиграла конкурс «Мисс Джокертаун»?

– А что?

– Лишили титула, когда узнали, что она позировала голой для журнала «Вопросы птицеводства».

– Не смешно, – заметил Кренсон, изобразив улыбку.

– Я и сам знаю. У нас тут был ураган, пока ты спал. Знаешь, что он натворил?

– Что же?

– Четыре миллиона долларов ущерба национальной экономике.

– Ну ладно, хватит! – прервал его Кройд. – Сколько я тебе должен?

Морж отложил свою газету, встал и вперевалку вышел из киоска.

– Для тебя бесплатно. Надо поговорить.

– Я хочу есть, Джуб. Когда я просыпаюсь, мне нужно сразу поплотнее зарядиться. Зайду попозже, хорошо?

– Ничего, если я с тобой?

– Пошли. А как же твои газеты?

Джуб стал запирать ларек.

– Газеты подождут. Есть дела поважнее, – сказал он.

Они прошли пешком два квартала до забегаловки Волосатика.

– Пойдем вон в ту кабинку сзади, – предложил Джуб.

– Мне все равно. Никаких деловых разговоров, пока я не съем первую порцию, ладно? Видишь ли, когда у меня в крови недостаток сахара, какие-то непонятные гормоны и полно трансаминазы, я не могу сосредоточиться. Мне нужно принять внутрь что-нибудь еще.

– Понятно. Я подожду.

К ним подошел официант, но Джуб сказался сытым и заказал только чашку кофе, к которой так и не притронулся. Кренсон начал с двойного бифштекса с яйцами и кувшина с апельсиновым соком.

Через десять минут, когда подали оладьи, Джуб откашлялся.

– Ну ладно, – вздохнул Кройд, – так-то лучше. И что же тебя беспокоит?

– Не знаю, с чего начать… – пробормотал Морж.

– Да уж начинай как-нибудь. Мне уже полегчало.

– Иногда может и не поздоровиться, если сунешь нос в чужие дела…

– Это верно.

– С другой стороны, людям свойственно сплетничать, обсуждать разные слухи.

Кренсон кивнул, продолжая жевать.

– Все знают о том, что ты спишь не так, как другие; поэтому тебе, наверное, трудно найти постоянную работу. И потом, ты в общем больше похож на туза, чем на джокера. Я хочу сказать, что вообще-то ты выглядишь как все, но у тебя есть кое-какие особые таланты.

– Пока я в этом не уверен.

– Все равно. Ты хорошо одет, платишь по счетам, любишь пообедать в «Козырном тузе», да и часы у тебя на руке – не «Таймекс». Надо ведь что-то делать, чтобы держаться на плаву, – если только ты не унаследовал состояние.

Кройд улыбнулся.

– Мне страшно заглянуть в «Уолл-стрит джорнэл», – сказал он, показав на кипу газет на соседнем стуле. – Может, мне придется заняться кое-чем, чего я давно уже не делал.

– Надо ли это понимать так, что, когда тебе приходится работать, ты занимаешься не совсем законными вещами?

Кренсон поднял голову, и, когда их глаза встретились, Джуб вздрогнул. Надо же, он нервничает!

– Черт возьми, Джуб, я знаком с тобой давно и знаю, что ты не полицейский. Ты хочешь мне что-то предложить, так? Если речь идет о краже, я в этом специалист. Учился у настоящего мастера. Если кого-то шантажируют, я с удовольствием верну компромат, а шантажисту покажу, где раки зимуют. Если надо что-нибудь уничтожить, изъять, подкинуть в другое место – я тот, кто тебе нужен. Вот за убийство я бы не взялся, хотя и могу назвать людей, которые не так щепетильны, как я.

– Я никого не хочу убивать, Кройд. Мне надо кое-что украсть.

– Пока мы не обсуждали деталей, предупреждаю, что беру дорого.

Джуб оскалил клыки:

– Люди… гм… интересы которых я представляю, готовы достойно оценить твои усилия.

Кренсон доел оладьи и пил кофе с кексом в ожидании вафель.

– Это тело, Кройд, – наконец сказал Джуб.

Что?

– Труп.

– Не понял.

– В конце недели умер один парень. Тело нашли в мусорном баке. Документов при нем не было. Теперь он в морге.

– Боже мой, Джуб! Тело? Никогда не воровал трупов. Кому оно понадобилось?

Морж пожал плечами:

– Они за него действительно хорошо заплатят. Вещи, которые найдешь при нем, им тоже нужны. Больше я ничего не могу тебе сказать.

– Ладно, зачем он нужен – это их дело. О какой сумме идет речь?

– Они заплатят пятьдесят штук.

– Пятьдесят штук? За мертвеца? – Кройд оторвался от еды и вытаращил глаза. – Да ты шутишь.

– Ничего подобного. Даю тебе десять сейчас и остальные сорок, когда тело будет у нас.

– А если у меня не выйдет?

– Можешь оставить себе десятку за то, что попытаешься. Интересуешься дельцем?

Кренсон глубоко вдохнул и сделал медленный выдох.

– Да, – сказал он, – интересуюсь. Но я даже не знаю, где морг.

– В отделе медицинской экспертизы на углу Двадцать первой и Пятой авеню.

– Хорошо. Скажем, я туда пойду, и…

Тут подошел Волосатик и поставил перед Кройдом тарелку сосисок и мяса с овощами. Налив ему еще кофе, он положил на стол несколько бумажек и мелочь.

– Сдача, сэр.

Кренсон посмотрел на деньги:

– Что такое? Я с вами еще не расплачивался.

– Вы же мне дали пятьдесят долларов.

– Да нет. Я еще даже не поел.

Под густой черной порослью, покрывавшей все тело Волосатика, как будто бы появилась улыбка.

– Если бы я раздавал всем деньги направо и налево, давно бы прогорел, – сказал он. – Я знаю, когда давать сдачу.

Кройд пожал плечами и кивнул:

– Не сомневаюсь.

Когда хозяин заведения отошел, Кройд нахмурился и покачал головой.

– Я не платил ему, Джуб.

– Я тоже не помню, чтобы ты ему платил. Он сказал – пятьдесят… Такую сумму трудно не запомнить.

– И правда странно. Я собирался разменять здесь полсотни, когда поем.

– Да? А ты помнишь, когда ты об этом подумал?

– Ну да. Когда он принес вафли.

– Ты действительно представил себе, как вынимаешь полсотни и даешь ему?

– Да.

– Это интересно.

– Что ты имеешь в виду?

– Я подумал, что, может быть, теперь твоя сила – что-то вроде телепатического гипноза. Тебе надо просто потренироваться, освоиться, что ли, понять, что ты можешь. Только не пробуй этого на мне. Я и так сегодня не в себе.

– Почему? Ты что, тоже заинтересован в успехе этого предприятия с трупом?

– Чем меньше ты будешь знать, тем лучше, Кройд. Уж поверь мне.

– Ладно, я понимаю. Мне-то все равно. В этом деле меня интересуют только деньги, – сказал он. – Что ж, я берусь за эту работу. Скажем, все пойдет гладко и тело будет у меня. Что мне с ним делать дальше?

Джуб достал из внутреннего кармана ручку и маленький блокнот. Быстро что-то написал, вырвал листок и передал его Кройду. Потом он покопался в боковом кармане, вытащил оттуда ключ и положил его на тарелку.

– Это через пять кварталов отсюда, – пояснил он. – Там снята комната на нижнем этаже. Ключ – от нее. Притащишь его туда, запрешь дверь, а потом сообщишь мне – я буду у себя в киоске.

Кренсон снова принялся за еду, через некоторое время он сказал:

– Договорились.

– Ну и хорошо.

– В это время года там у них, наверное, несколько таких. Ну, ты знаешь – этих пьянчуг, замерзших насмерть. Как мне узнать, который из них – мой?

– Сейчас объясню. Этот парень – джокер, понял? Маленький такой. Ростом, наверное, около пяти футов. Похож на большого жука: ноги коленками назад, как у кузнечика, кутикула покрыта шерстью, на руках по четыре пальца, по три сустава в каждом, глаза по бокам головы, на спине недоразвившиеся крылья.

– Да, представляю. Со стандартным типом, похоже, не спутаешь.

– Вот именно. И к тому же, наверное, легкий.

Кройд кивнул. Ближе ко входу в ресторан кто-то произнес:

– Птеродактиль!

Они повернулись к окну как раз вовремя, чтобы увидеть крылатый силуэт.

– Опять этот мальчишка прилетел, – задумчиво произнес Морж.

– Н-да. Знаешь, кому он надоедает теперь?

– А ты знаешь?

– Угу. Показывается время от времени – похоже, он интересуется тузами. В конце концов, откуда он знает, как я сейчас выгляжу? Ладно… Когда им нужно это тело?

– Чем скорей, тем лучше.

– Ты знаешь расположение помещений в морге?

Джуб задумчиво кивнул:

– Да. Морг находится в шестиэтажном здании. Наверху – лаборатории, офисы и все такое. Приемный покой и зал для опознания – на первом этаже. Трупы они держат в подвале. Прозекторская тоже внизу. Там у них сто двадцать восемь ящиков для взрослых и большой холодильник с полками для детских трупов. Если кому-нибудь надо увидеть тело для опознания личности, они поднимают его на специальном лифте в смотровую комнатку на первом этаже – она отгорожена от комнаты для посетителей стеклом.

– Ты что, там был?

– Нет, я читал воспоминания Милтона Гелперна.

– Вот что значит по-настоящему широкое образование, – восхитился Кройд. – Надо бы мне тоже побольше читать.

– На пятьдесят штук можно накупить полно книг.

Кренсон улыбнулся.

– Ну что, по рукам?

– Дай мне еще немного подумать за завтраком да заодно и сообразить, как работают эти мои новые способности. Я подойду к твоему ларьку, когда буду готов. Когда я получу десять штук?

– Они будут у меня сегодня вечером.

– Хорошо. Увидимся примерно через час.

Морж кивнул и, грузно поднявшись со своего стула, вышел из кабинки.

– Следи за уровнем холестерина, – сказал он.

В сером панцире туч появились просветы голубого неба и выглянуло солнце. Было слышно, как не переставая капает вода где-то за киоском. Джуб слушал бы капель даже с удовольствием, как приятный аккомпанемент к шуму уличного движения и другим звукам города, если бы не одна нравственная дилемма, прилетевшая на кожистых крыльях и испортившая ему все утро. Он понял, что принял решение, только когда увидел подошедшего Кройда, который чему-то весело улыбался.

– Я все обдумал, – заявил он. – Это дельце выгорит.

Джуб вздохнул.

– Мне надо сказать тебе еще кое-что.

– Есть проблемы?

– Это не относится непосредственно к твоему заданию, – объяснил Джуб. – Но могут возникнуть сложности, о которых ты еще не знаешь.

– Какие еще? – спросил Кройд, помрачнев.

– Этот птеродактиль, которого мы с тобой видели…

– Ну?

– Тебя искал Малыш-Динозавр. Он был здесь, когда я вернулся. Ты ему нужен.

– Надеюсь, ты ему не рассказал, где меня найти?

– Нет, и не собираюсь этого делать. Но ты же знаешь, все тузы и стоящие джокеры у него на учете…

– Ну, может быть, он ищет бейсболистов для сборной или военных преступников?

– Он хочет поставить тебя в известность, что видел одного человека. Он сказал, что Джон Дьявол около месяца тому назад вышел из больницы и куда-то пропал. Но сейчас снова вернулся. Он недавно видел его возле Клойстера. Говорит, что тот направлялся куда-то сюда.

– Так-так. Ну и что же?

– Малыш считает, что он ищет тебя. Хочет отыграться. По его мнению, Джон не может тебе простить того, что ты с ним сделал тогда на Рокфеллер-Плаза.

– Ну и пусть себе ищет маленького плотного брюнета. Я-то теперь выгляжу по-другому. Пойду-ка за мертвецом, покуда его еще не похоронили.

– А про аванс ты что, забыл?

– Ты уже дал его мне.

– Когда?

– А когда я, по-твоему, сюда вернулся?

– Около минуты назад. Я увидел, что ты стоишь и улыбаешься. Ты еще сказал, что все обдумал. И что-то про выгодное дельце.

– Отлично. Значит, получилось.

– Объясни-ка получше.

– Я и хотел, чтобы с этого места ты стал запоминать. Я здесь был уже за минуту до того и внушил тебе, чтобы ты дал мне деньги и забыл об этом.

Кройд достал из внутреннего кармана конверт, открыл его и показал деньги.

– И что еще ты успел сделать за эту минуту?

– Не знаю, о чем ты беспокоишься, но твоя невинность не пострадала.

– Ты ведь не спрашивал меня о…

Кренсон покачал головой:

– Я же говорил, мне все равно, кому нужно это тело и зачем. Я на самом деле не люблю обременять себя чужими заботами. Своих проблем достаточно.

Джуб вздохнул:

– Вот и хорошо. Ну, давай, счастливо тебе.

– Не беспокойся. Считай, дело уже сделано.

Кройд пешком добрался до супермаркета, где и купил упаковку больших пластиковых мешков для мусора. Один мешок он сложил и засунул во внутренний карман пиджака, остальные выбросил в урну. Потом на ближайшем перекрестке поймал такси.

Пока машина пересекала город, Кройд проиграл в уме план дальнейших действий. Он войдет в здание и, используя свои новые способности, убедит сотрудника в приемном покое, что его здесь ждут, потому что он – патологоанатом из Бельвью, которого пригласил его друг, работавший в морге, чтобы проконсультироваться по одному вопросу из области судебной медицины. В голову пришли фамилии Мэлони и Уэбли, но выбрал он имя Андерсон. Потом он заставит позвать кого-нибудь, кто сможет проводить его в подвал и помочь найти там то, что ему нужно. Этого сотрудника надо будет держать под контролем, пока Кройд не заберет тело и вещи покойника, не положит все это в мешок и выйдет из здания. Всем, кого он встретит, надо будет внушить, что они ничего не видели. Все это намного проще, чем то, что он делал раньше в подобных случаях. Кренсон улыбнулся классической простоте своего плана: никто ничего не запомнит и никакого насилия не потребуется…

Добравшись до здания с алюминиевыми ставнями, сложенного из белого и голубого глазурованного кирпича, Кройд велел водителю высадить его на соседнем углу. Перед зданием морга стояли две полицейские машины, а у входа лежала выбитая дверь. Присутствие полицейских само по себе не должно было сорвать его планов, но выломанная дверь его насторожила. Он заплатил водителю полсотни и попросил его подождать. Потом направился ко входу, но прошел мимо, только заглянув внутрь.

Несколько полицейских разговаривали с сотрудниками морга. Похоже, для осуществления своих намерений Кренсон выбрал не вполне удачное время. Хотя все равно надо было выяснить, что произошло. Поэтому, дойдя до угла дома, он повернул назад, а затем уверенно вошел в морг и быстро осмотрелся.

Мужчина в штатском, разговаривавший с полицейскими, неожиданно обернулся и уставился на него. Кройду это совсем не понравилось. У него засосало под ложечкой и задрожали руки. Пришлось немедленно использовать свои новые способности. Он двинулся прямо к этому типу, изобразив на лице улыбку. Все в порядке. Делай то, что я тебе прикажу. Сейчас ты хочешь со мной поговорить. Помаши мне рукой, громко скажи: «А, Джим, привет!», а потом иди в мою сторону.

– А, Джим, привет! – сказал мужчина, направляясь к Кройду.

«Проклятье! Слишком все быстро случилось. Сцапал меня, как только я его расколол… А ведь очень бы пригодился…»

– Ты шпик в штатском? – спросил его Кройд.

– Да, – охотно ответил тот.

– Как тебя зовут?

– Матиас.

– Что здесь произошло?

– Покойника украли.

– Которого?

– Да какого-то из неопознанных.

– Как он выглядел?

– Похож на большого жука – ноги, как у кузнечика…

– Черт! – выругался Кройд. – А были при нем какие-нибудь вещи?

– Ничего.

Несколько полисменов в форме теперь смотрели на них. Кренсон отдал следующее мысленное приказание. Матиас повернулся к полицейским.

– Подождите минутку, ребята, – крикнул он им. – У меня дело.

«Черт! – подумал шпик. – Этот тип мне еще пригодится. Не вечно же ты, приятель, будешь меня держать».

– Как это случилось? – спросил Кройд.

– Только что сюда явился один парень, спустился вниз, заставил ассистента показать ему, где лежат трупы, взял тело и смылся с ним.

– И никто не пытался его остановить?

– Конечно, пытались. В результате четверых уже увезли в больницу. Парень-то был тузом.

– Кто это?

– Он осенью разгромил Рокфеллер-Плазу.

«Только… Только ни о чем меня больше не спрашивай – замешан ли я в этом, я ли его нанял, не прикрываю ли его теперь…»

– Куда он потащил труп?

– На северо-запад.

– Пешком?

– Именно. Свидетели божатся, что скачками в двадцать футов.

«Как только ты, молокосос, отпустишь меня, я пущу по твоим следам ищеек».

– Слушай, а почему ты обернулся и так на меня посмотрел, когда я вошел?

«Черт!»

– Я почувствовал, что вошел туз.

– Как ты догадался?

– Потому что я сам – туз. Моя сила в том, чтобы распознавать других тузов.

– Да уж, для полицейского это полезный талант. Ну, теперь слушай внимательно. Сейчас ты забудешь о нашем разговоре и не заметишь, что я уйду. Подойди вон к тому фонтану, чтобы попить, и вернись к своим друзьям. Если кто-нибудь спросит, с кем ты разговаривал, скажешь, что со своим букмекером, и забудешь об этом. Ну, давай! Забудь!

Кройд отвернулся и пошел к выходу. Шпик почувствовал, что хочет пить.

Выйдя на улицу, Кренсон вернулся к такси, забрался в машину, захлопнул дверцу и сказал водителю:

– На северо-запад.

– Как это? – спросил водитель.

– Езжай прочь от центра, а дальше я тебе скажу.

– Как прикажешь. – Машина тронулась.

Примерно милю Кройд заставлял шофера вести такси медленно, надеясь напасть на следы похитителя. Ему казалось маловероятным, что Джон Дьявол повезет труп на общественном транспорте. Хотя у него мог быть сообщник, который заранее приготовил для него средство передвижения.

Кренсон вздохнул, глядя вперед на дорогу. И почему элементарные вещи всегда даются с таким трудом?

Потом, когда они приблизились к Морнингсайдским холмам, водитель пробормотал:

– Опять один из этих проклятых джокеров!

Кройд взглянул, куда показывает шофер, и увидел силуэт птеродактиля, через несколько мгновений исчезнувший за небоскребом.

– Давай за ним, – сказал Кройд.

– За этим летающим крокодилом?

– Да!

– Я потерял его из виду.

– Ну так найди!

Он помахал у него перед носом очередной купюрой. Водитель дал гудок и повернул так резко, что завизжали шины. Кройд окинул взглядом горизонт, но Малыша не увидел. Тогда он остановил машину, чтобы задать вопрос трусившему мимо старичку. Тот вставил в ухо слуховой аппарат, внимательно выслушал вопрос, показал на восток и побежал дальше.

Через несколько минут Кройд увидел угловатый птичий силуэт, описывающий широкие круги на севере.

Теперь они с водителем почти все время следили за полетом птеродактиля и смогли приблизиться к месту, над которым он кружил. Когда они добрались туда, Кройд попросил ехать помедленнее. Пока он не видел рядом ничего особенного, но в поле зрения ящера было несколько кварталов. Если тот действительно сопровождал Джона Дьявола, значит, туз вполне мог быть где-то рядом.

– Что мы здесь ищем? – спросил водитель.

– Крупного мужчину с рыжей бородой и курчавыми волосами. Ноги у него разные, – ответил Кройд. – Правая – здоровенная, волосатая, вместо ступни – копыто. Другая – нормальная.

– Я кое-что слышал об этом парне. Он опасен.

– Я знаю.

– Что ты собираешься делать, когда его найдешь?

– Мне надо кое о чем с ним поговорить.

– Я не хотел бы присутствовать при вашем разговоре. Когда мы его догоним, я тут же уеду.

– Я тебе хорошо заплачу.

– Нет уж, спасибо. Если ты его отыщешь, я тебя бросаю и сматываюсь. Так-то вот.

– Так… Птеродактиль летит на север. Давай попробуем его опередить, а потом жми на восток, как только увидишь место, где можно повернуть.

Водитель снова дал газ, свернув направо, а Кренсон тем временем старался вычислить, где находится центр кругов, которые описывает Малыш.

– Следующая улица, – наконец сказал он. – Поворачивай, посмотрим, что будет.

Машина медленно завернула за угол и объехала квартал, но Кройд не только не заметил преследуемого, но и потерял из виду птеродактиля, парящего над ним, как поплавок над рыбой. Однако над следующим перекрестком крылатая тень появилась вновь, и на этот раз он увидел того, кого искал.

Джон Дьявол был на другой стороне улицы, на расстоянии полуквартала от них. В руках он нес большой сверток. Он был широкоплеч и так страшно скалил свои белые зубы, что встречная женщина с продуктовой тележкой шарахнулась от него в сторону. На Джоне были джинсы – правая штанина оторвана по бедро – и розовый спортивный свитер, какие продаются в Диснейленде. Водитель проезжавшей мимо машины задел припаркованный автомобиль, когда увидел, как Джон сделал обычный шаг левой ногой, а потом, согнув под каким-то невероятным углом правую, прыгнул на двадцать футов вперед, попав на свободный от людей край тротуара. Затем он снова шагнул, как все люди, и опять прыгнул, пролетев над красной «Хондой», ехавшей на небольшой скорости. Теперь Джон оказался на разделительном газоне в середине улицы. Две большие собаки, бежавшие за ним, с громким лаем бросились к краю тротуара, но не решились перебегать дорогу наперерез едущим машинам.

– Останови! – велел Кройд водителю, открыл дверцу и выскочил на край тротуара, хотя автомобиль еще двигался.

Потом он приложил ладони ко рту и закричал:

– Джон! Подожди!

Тот только оглянулся, уже согнув ногу для очередного прыжка.

– Это же я, Кройд Кренсон! Мне надо с тобой поговорить!

Сатироподобная личность застыла, присев на полусогнутой правой ноге. По мостовой пронеслась тень птеродактиля. Из-за угла выскочил маленький белый пудель и присоединился к лаявшим собакам. Раздались возмущенные гудки по адресу двух зазевавшихся пешеходов. Джон Дьявол обернулся к Кройду и уставился на него. Потом покачал головой.

– Ты не Кренсон! – крикнул он.

Кройд шагнул вперед.

– А вот сейчас увидишь! – ответил он и бросился через улицу к разделительному островку.

Джон Дьявол прищурил глаза под косматыми бровями, изучая бегущего к нему Кройда. Он задумчиво пожевал нижнюю губу, а потом медленно покачал головой.

– Не-е. Кройд был сильно меньше ростом и с темными волосами. Ну ладно, все равно, чего тебе надо?

– Я тот самый парень, который осенью надрал тебе задницу, – проговорил он. – Просто у меня все время меняется внешность.

– Забудь об этом, приятель. На групповуху у меня сейчас нет времени.

Оба стиснули зубы, когда рядом раздался гудок и из окошка машины высунулся мужчина в сером деловом костюме.

– Что здесь происходит? – спросил он.

Кройд зарычал, ступил на проезжую часть, оторвал бампер машины и бросил его на заднее сиденье, разбив стекло.

– Автоинспекция, – сказал он. – Ваша машина в порядке. Поздравляю.

– Кройд! – воскликнул Джон, когда машина поспешно уехала. – Да ведь это точно ты!

Он швырнул свою спеленутую ношу на землю и сжал кулаки.

– Я ждал этой встречи всю зиму…

– Тогда подожди еще минуту. Мне надо кое-что у тебя спросить.

– Ну?

– Это тело… Зачем оно тебе?

Громила засмеялся:

– Мне нужны деньги. А ты как думал?

– Может быть, скажешь, сколько они тебе обещали?

– Пять кусков. А что?

– Жмутся, ублюдки, – сказал Кройд. – Ты знаешь, зачем оно им?

– Да нет, я и не спрашивал. Мне все равно. Деньги не пахнут.

– Ты прав… А все-таки, кто они?

– Тебе-то что?

– Ну, я думаю, ты продешевил. Я считаю, это стоит дороже.

– Сколько?

– Так кто они?

– Мне показалось, какие-то масоны. А сколько это стоит?

– Масоны? Тайные рукопожатия и всякое такое? Я думал, они только и делают, что устраивают друг другу пышные похороны. Но зачем им мертвый джокер?

Джон покачал головой.

– Они странные люди, – ответил он. – Насколько я понимаю, они собираются его съесть. Так что ты говорил насчет денег?

– Думаю, я смогу заплатить больше, – сказал Кренсон. – Что, если я добавлю к пяти еще один? Я дам тебе за него шесть штук.

– Ну, я не знаю, Кройд… вообще-то не люблю подставлять тех, на кого работаю. А то будут потом говорить, что я, мол, ненадежный человек.

– Ладно, я, может быть, дам и семь.

Внезапно они услышали яростное рычание и звуки собачьей грызни. Пока они беседовали, собаки перебежали дорогу – их оказалось уже целых пять – и выволокли маленькое насекомоподобное тело из мешка. Большой датский дог вцепился зубами в руку и с грозным ворчанием пытался вырвать добычу у немецкой овчарки; два других пса оторвали ногу, похожую на лапку кузнечика, и дрались над ней, пытаясь разорвать на куски. Белый пудель с четырехпалой кистью в зубах был уже на середине проезжей части. В воздухе Кройд почувствовал какую-то особую вонь, непохожую на привычные запахи Нью-Йорка.

– Дерьмо! – воскликнул Джон Дьявол и прыгнул к трупу, выбив копытом бетонную плитку из мостовой. Он бросился на датского дога, но тот увернулся и убежал. Терьер испугался и бросил ногу, а коричневая дворняга кинулась через улицу, волоча за собой остатки конечности.

– Я отниму у него руку! А ты давай за ногой! – закричал Джон, догоняя датского дога.

– А как же кисть? – крикнул ему Кройд, пиная еще одну собаку, прибежавшую неизвестно откуда.

Ответ соответствовал ситуации, был короток и описывал крайне маловероятные анатомические особенности всех участников.

Кренсон припустил за коричневой собакой. Когда он добежал до угла, за которым скрылась дворняжка, послышался пронзительный визг. Повернув на соседнюю улицу, он увидел пса, который, лежа на спине, отбивался от наседающего на него сверху птеродактиля. Помятая конечность валялась рядом. Кройд бросился вперед.

– Спасибо тебе, Малыш. Я теперь твой должник, – пропыхтел Кройд, подбегая к ноге. Поколебавшись, он вынул носовой платок, обернул им руку и подобрал конечность, стараясь не держать ее против ветра.

Вдруг птеродактиль исчез, а на его месте появился голый мальчик, на вид лет тринадцати от роду. У него были светлые глаза, нестриженые русые волосы и маленькая родинка на лбу.

– Для вас и старался. Ну и воняет она, однако.

– Это точно. Прости, но я пойду, попробую собрать то, что осталось.

Он развернулся и двинулся назад, туда, откуда пришел. За его спиной послышались быстрые шаги.

– Зачем она вам? – спросил мальчик.

– Ну, это длинная, запутанная и скучная история. Тебе ее знать ни к чему, – ответил Кройд.

– Да ладно, бросьте. Расскажите!

– У меня нет времени. Я спешу.

– Вы опять будете драться с Джоном Дьяволом?

– Я не собираюсь драться. Надеюсь, мы сумеем договориться по-хорошему, не прибегая к насилию.

– А в чем теперь ваша сила, если вы будете драться?

Кройд дошел до угла, повернул на разделительную полосу. Вокруг бренных останков крутилась еще одна собака. Джона нигде не было.

– Черт побери! – крикнул он. – Ну-ка, пошла отсюда!

Дворняга содрала с хитинового щитка лоскут шерстистой ткани, не обратив на Кройда никакого внимания.

– Пошла отсюда! – повторил он.

Собака зарычала, но потом вдруг поджала хвост и заскулила. Из-за спины Кройда к ней приближался прыжками тиранозавр метрового роста, издавая угрожающий шип. Дворняга бросилась наутек. Через мгновение на месте ящера стоял Малыш.

– Она убежала с тем куском, – сказал мальчик.

Кройд, выругавшись, бросил спасенную ногу рядом с туловищем, затем вынул из внутреннего кармана пиджака сложенный мешок для мусора и развернул его.

– Малыш, если хочешь мне помочь, подержи мешок, а я засуну туда то, что осталось.

– Ладно. Ну у вас и работенка!

– Не говори. Неприятное занятие.

– Зачем же вы это делаете?

– Такова уж наша взрослая доля.

– Что вы имеете в виду?

– К старости все больше времени уходит на исправление собственных ошибок.

Раздался тяжелый топот, сверху упала тень, и откуда-то спрыгнул Джон Дьявол.

– Проклятый пес удрал, – объявил он. – Нога у тебя?

– Да, – ответил Кройд. – В мешке.

– Пластиковый мешок – это ты хорошо придумал. А кто этот голый мальчик?

– Ты что, не знаешь Малыша-Динозавра? – удивился Кройд. – Я думал, он со всеми знаком. Он – тот птеродактиль, который за тобой летал.

– Зачем это?

– Я люблю быть в гуще событий, – пояснил Малыш.

– Слушай, а почему ты не в школе? – спросил Кройд.

– Да пошла она.

– Послушай меня. Я вот ушел из школы в девятом классе, так и не доучившись. И до сих пор об этом жалею.

– Почему? Разве вы плохо живете?

– Ну, я не знаю многих полезных вещей. Лучше бы я их в свое время выучил.

– Каких, например?

– Ну… Скажем, алгебры. Я никогда не изучал алгебры.

– И что хорошего в этой долбаной алгебре?

– Я этого не знаю и никогда не узнаю, я же ее не изучал. Но иногда смотришь на людей на улице и думаешь: «Да, они-то уж наверняка знают алгебру», – и от этого появляется какое-то чувство неполноценности.

– А я вот тоже не знаю алгебры и не чувствую никакой дурацкой неполноценности.

– Потом почувствуешь.

Тут Малыш заметил, что Кройд как-то странно на него смотрит.

– Немедленно возвращайся в школу, – сказал он, – и протирай штаны на занятиях, пока они не кончатся, а вечером сделай домашнее задание. И делай это с удовольствием.

– Ладно, мне надо лететь. – Мальчик превратился в птеродактиля, потом несколько раз подпрыгнул и поднялся в воздух.

– По дороге найди во что одеться! – крикнул Кройд ему вслед.

– Что это за чертовщина здесь происходит?

Кренсон обернулся и увидал полицейского в форме, только что перешедшего улицу.

– Пойди поцелуй себя в задницу, – огрызнулся Кройд.

Тот расстегнул кобуру.

– Стоп! Ты это прекрати… Застегни ее. Забудь, что ты нас видел, и иди патрулируй другую улицу.

Джон Дьявол вытаращил глаза, когда полицейский сделал, как ему велел Кройд.

– Как ты это делаешь?

– В этом теперь моя сила.

– Тогда ты можешь меня заставить просто подарить тебе это тело, ведь так?

Кройд встряхнул мешок и перевязал его сверху. Закончив с этим, он кивнул:

– Верно. Рано или поздно оно все равно будет у меня. Но я не хотел бы тебя обманывать – все-таки это ты его украл. Я предлагаю тебе честную сделку.

– Семь?

– Шесть.

– Ты говорил – семь.

– Да, но теперь там кое-чего не хватает.

– Сам виноват. Я-то тут при чем! Это ты мне зубы заговорил.

– Не надо было бросать его на землю, на съедение собакам.

– Да, но я же не знал… Смотри, там, на углу, есть закусочная с баром.

– Да, правда.

– Не возражаешь, если мы все обсудим за ленчем и стаканчиком пива?

– Когда ты это сказал, я обнаружил, что у меня зверский аппетит.

Они выбрали столик у окна, а мешок положили на свободный стул. Пока Джон заказывал пиво, Кройд посетил туалет и несколько раз вымыл руки. Вернувшись, он заказал дюжину сандвичей.

– На кого ты работаешь? – спросил Джон.

– Не знаю, – ответил Кройд. – Я получил этот заказ через третье лицо.

– Что-то уж больно сложно. Интересно, зачем оно им всем понадобилось?

– Черт его знает. Надеюсь, они заплатят за то, что здесь осталось.

– Вот поэтому я и иду на эту сделку. Мне почему-то кажется, что мои заказчики хотели бы получить его в более приличном виде. Лучше синица в руке – знаешь такую поговорку? Я им не особенно доверяю. Проходимцы.

– Скажи, были у него какие-нибудь вещи?

– Нет, никаких.

Когда принесли сандвичи, оба принялись за еду. Через некоторое время Джон взглянул на мешок и заметил:

– По-моему, он стал больше.

Кройд тоже посмотрел на мешок.

– Просто немного растрясся.

Они доели, а потом заказали еще по пиву.

– Да нет, черт возьми! Он растет! – настаивал Дьявол.

Кройд снова взглянул на мешок. Он действительно набухал прямо на глазах.

– Да, ты прав, – признал он. – Это, наверное, газы, которые выделяются при… э-э… разложении.

Он хотел было ткнуть в мешок пальцем, но, поразмыслив, убрал руку.

– Так сколько ты за него даешь? Семь штук?

– Думаю, шести будет достаточно – учитывая его состояние.

– Но они ведь знали, чего просили. Известно же, что с мертвецами происходят такого рода вещи.

– Да, но не до такой же степени. Признай, он у тебя изрядно попрыгал.

– Это верно, но обычный покойник сохранился бы лучше. Откуда я знал, что этому парню нужно особое обхождение?

– Достаточно было посмотреть на него – он же маленький и хрупкий.

– Когда я его схватил, он мне показался довольно прочным. Может, сойдемся на шести с половиной?

– Ну, не знаю…

Мешок распух настолько, что уже привлекал внимание других посетителей.

– Еще по одной?

– Почему бы и нет?

– Официант!

Официант, убиравший посуду с соседнего освободившегося столика, обернулся к ним с горой грязных тарелок в руках.

– Что вам угод… – начал было он, и в этот момент лезвие ножа, торчащее из охапки у него в руках, скользнуло по раздувшемуся мешку. – Боже мой!

Раздалось шипение выходящего газа – смеси миазмов канализации и вони на скотобойне. Этот тошнотворный запах распространялся по помещению так быстро, словно произошла авария на заводе по производству отравляющих веществ.

– Извините, – сказал официант и поспешно удалился.

Через несколько мгновений посетители за другими столиками тоже стали задыхаться.

– Сделай что-нибудь, Кройд! Примени свой гипноз! – зашептал Дьявол Джон. – Скорее!

– Не знаю, справлюсь ли я с целой толпой…

– Давай попробуй!

Кройд сосредоточился, мысленно обращаясь сразу ко всем присутствующим: «Произошла маленькая неприятность. Ничего особенного. Забудьте об этом. Ничем таким здесь не пахнет. Продолжайте есть и больше сюда не смотрите. Не обращайте на нас внимания. Здесь не на что смотреть. Никакого запаха нет».

Посетители отвернулись и снова принялись за еду и разговоры.

– Получилось! – пробормотал Джон странным голосом.

Кройд повернулся к нему и увидел, что тот зажимает нос.

– Ты что-то пролил?

– Нет.

– Ну и ну! Слышишь, капает?

Дьявол посмотрел на мешок, потом наклонился и заглянул под стол.

– Вот черт! Газ оттуда уже вышел. Оно теперь вытекает через дырку, которую сделал этот парень. Слушай, сделай так, чтобы я тоже не чувствовал запаха, а?

Кройд закрыл глаза и стиснул зубы.

– Уже лучше, – услышал он вскоре, когда Джон показался из-под стола и поправил мешок на стуле так, чтобы из него не текло. При этом раздалось какое-то хлюпанье и бульканье.

Кренсон посмотрел на пол и обнаружил здоровенную лужу, напоминающую разлитый суп. Он поперхнулся и отвел взгляд.

– Ну, Кройд, что ты теперь будешь делать? Жижу оставишь, а остальное возьмешь? Или как?

– Думаю, я обязан забрать все, что удастся.

Джон ухмыльнулся и приподнял бровь.

– Ладно, – сказал он, – дашь мне шесть с половиной, и я помогу тебе собрать все это и унести.

– Договорились.

– Теперь, если сможешь, сделай так, чтобы меня не заметили люди на кухне.

– Попробую. Что ты хочешь делать?

– Положись на меня.

Он встал, передал горловину мешка Кройду и проковылял за стойку; когда вернулся, обе руки у него были заняты. Джон открыл большую банку для солений и поставил ее на пол рядом со стулом.

– Теперь наклони мешок так, чтобы дырка была прямо над банкой, – велел он, – а я приподниму его снизу. Мы все перельем сюда.

Кройд повиновался; когда струйка иссякла, банка наполнилась больше чем наполовину.

– А дальше что? – спросил он, закрывая крышку.

Джон достал салфетку из пачки, которую принес, и открыл упаковку небольших пакетов.

– Пакеты для объедков – посетители носят любимым собачкам. Я соберу в них все твердое с пола.

– А потом?

– А еще я принес губку, – пояснил Дьявол, наклоняясь к луже. – Ею можно запросто собрать все, что осталось.

– Можно побыстрее? – попросил Кройд. – Собственное-то обоняние я не могу заговорить.

– Быстрее я не могу. Открой банку, а? Я выжму туда салфетку.

Когда остатки трупа собрали в банку для солений и девять пакетов, Джон Дьявол расширил разрез, окончательно разорвав мешок, и достал оставшиеся там хитиновые пластины. Банку он засунул внутрь хитинового панциря и запихал все это в новый мешок, побросав сверху более мелкие остатки наружного скелета. Сверху он положил голову и конечности, потом пристроил туда же пакеты и губку.

Кройд тем временем встал со стула.

– Извини, – сказал он. – Я сейчас вернусь.

– Я с тобой. Надо немного отмыться.

Под шум льющейся воды Джон неожиданно заявил:

– Раз уж мы так славно справились с упаковкой, я хочу тебя кое о чем попросить.

– О чем же? – поинтересовался Кройд, в очередной раз намыливая руки.

– Знаешь, мне все-таки неловко перед моими заказчиками.

Кренсон пожал плечами:

– Ты же не можешь отдать его сразу и мне, и им.

– А почему бы и нет?

– Каким образом?

– Когда ты меня догнал, я уже был почти на месте. Предположим, мы идем туда, где я с ними встречаюсь, и вешаю им лапшу на уши насчет того, что собаки разорвали тело на части и все унесли. Ты их заставляешь в это поверить, а потом забыть, что я был не один. Вот так, и я им больше ничего не должен.

– Ладно, я тебе помогу, – согласился Кройд, умывая лицо. – Ты говоришь «они». Сколько их будет?

– Всего один или двое. Парня, который меня нанял, зовут Матиас, и с ним был еще какой-то краснолицый тип. Он все рассказывал мне о масонах, пока его друг не заткнул ему рот…

– Забавно, – кивнул Кройд. – Я сегодня утром повстречал одного Матиаса. Он полицейский. Был переодет в штатское. А кто, интересно, этот краснолицый? По-моему, он может быть и тузом, и джокером.

– Наверное. Если у него и есть особые способности, мне он их не демонстрировал.

Кройд вытер лицо.

– Что-то мне все это не нравится, – сказал он. – Видишь ли, этот Матиас – туз. Имена могли просто совпасть, да и я управлял тем типом при помощи гипноза. Только не люблю я иметь дело сразу с несколькими тузами. Можно нарваться на кого-нибудь, кто блокирует твои способности. Эта секта… масоны ведь могут быть группой тузов, как ты думаешь?

– Не знаю. Тот краснорожий приглашал меня на их собрание, но я сказал, что не люблю пустых разговоров: мол, либо договоримся сейчас же, либо забудем об этом. Так что они дали мне аванс прямо там.

Кренсон нахмурился:

– Может, забудем о них?

– У меня есть правило: если заключил сделку, сделай так, чтобы потом на тебе это не висело, – сказал Дьявол. – Может, ты вначале только на них посмотришь, пока я буду разговаривать, а уж потом решишь?

– Ладно… Я же тебе уже обещал. Ты помнишь еще что-нибудь из того, что они говорили? Что-нибудь о масонах, тузах, трупе – ну, о чем угодно?

– Да нет… А что такое феромоны?

– Феромоны? Это гормоны, которые распространяются по воздуху. Такие вещества – они могут влиять на людей. Мне про это как-то раз рассказывал Тахион. У меня был один знакомый джокер, так если сядешь в кафе с ним рядом, все, что ты ешь, отдает бананом. Тах сказал: это из-за феромонов. А что ты про них слышал?

– Точно не знаю. Когда я ним подошел, тот краснорожий сказал что-то о своей жене и употребил это слово. Больше ничего.

– Это все, что ты от них слышал?

– Все.

– Ладно. – Кройд скомкал бумажную салфетку, которой вытирался, и бросил ее в мусорное ведро. – Пошли.

Когда они вернулись за стол, Кренсон отсчитал деньги и вручил своему спутнику.

– Вот. Должен сказать, ты их заработал.

Он посмотрел на разбросанные салфетки, грязный пол, мокрый пустой мешок.

– Что нам делать со всей этой грязью?

Джон пожал плечами.

– Оставь это официантам, – сказал он. – Они к такому привычные. Только дай им хорошие чаевые.

Кройд несколько поотстал, когда они вошли в парк. Там на скамейке уже сидели два человека, и даже на расстоянии было заметно, что у одного из них красное лицо.

– Ну что? – спросил Джон Дьявол.

– Я попробую, – сказал Кройд. – Сделаем вид, что мы не знакомы. Я пойду дальше, а ты иди объясняйся с ними. Через минуту поверну назад и пойду через парк. Я займусь ими, когда подойду поближе. Будь начеку. Если на этот раз гипноз не подействует, придется прибегнуть к другим средствам.

– Понятно. Договорились.

Кройд замедлил шаг, пропустив Дьявола вперед. Тот вошел в парк и по аллее, посыпанной гравием, направился к скамейке. Кройд дошел до угла, неторопливо пересек дорогу и повернул в обратном направлении.

Скоро он уже мог различить громкие спорящие голоса. Он свернул в аллею, по которой только что прошел Дарлингфут, и не спеша двинулся в сторону скамейки с мешком под мышкой.

– …Кусок дерьма! – услышал он голос Матиаса.

Тот взглянул в его сторону, и Кройд действительно узнал в нем полисмена, с которым разговаривал в морге. На лице Матиаса не было никаких признаков того, что он тоже вспомнил Кренсона, но, как он уже знал, у того был талант распознавать тузов. Значит…

– Господа, – сказал он, стараясь внушить собеседникам свои мысли, – все, что сказал вам Джон по прозвищу Дьявол, – правда. Труп разорвали собаки. Он не смог вам его принести. Вам придется примириться с этим. Вы забудете, что видели меня, как только…

Тут он заметил, как Джон повернул голову, увидев что-то у него за спиной. Кройд обернулся.

К ним приближалась некрасивая молодая женщина с азиатскими чертами лица. Руки она держала в карманах пальто и подняла воротник, спасаясь от холодного ветра. А ветер…

Ветер изменил направление и дул теперь прямо ему в лицо.

Что-то в этой незнакомке…

Кройд все смотрел на нее. Как он мог подумать, что она некрасива? Наверное, из-за освещения. Она была так прекрасна, что захватывало дух. Он ужасно захотел, чтобы она ему улыбнулась. А еще лучше – обнять ее, без устали ласкать нежное тело. Она была самой великолепной женщиной из всех, на кого когда-нибудь падал его взгляд.

Он услышал, как Джон Дьявол негромко присвистнул.

– Ты только посмотри на нее!

– Просто не отвести глаз, – ответил он.

Кройд растянул губы в широкой улыбке, и она улыбнулась ему в ответ. Ему хотелось задушить ее в объятиях, но он вымолвил только:

– Привет.

– Это моя жена, Ким Той, – донеслись до него слова краснолицего мужчины.

Ким Той! Само ее имя звучало как музыка…

– Я сделаю для вас все, что захотите, – услышал он слова Джона Дьявола, обращенные к ней. – Вы такая чудесная, просто больно на вас смотреть.

Она засмеялась.

– Как это мило с вашей стороны, – промолвила она. – Мне ничего не надо. Не сейчас. Может быть, как-нибудь потом я что-нибудь придумаю. Вы его получили? – спросила она мужа.

– Нет, его съели собаки, – ответил тот.

Китаянка вздернула подбородок и недоуменно подняла брови.

– Какая печальная участь, – проговорила она. – А откуда вы знаете?

– Нам рассказали вот эти господа.

– Да? – переспросила она. – Это правда? Вы им так сказали?

Дьявол кивнул.

– Мы так сказали, – признался Кройд. – Но…

– А мешок, который вы бросили, когда увидели меня, – сказала она, – что в нем? Откройте его, пожалуйста, я хочу посмотреть.

– С удовольствием, – ответил Кройд.

– Мы сделаем все, чего ни пожелаете, – согласился Джон.

Оба они опустились перед ней на колени и некоторое время от волнения никак не могли развязать тесемку на горловине мешка.

Кройд, воспользовавшись случаем, хотел было поцеловать ей ножку, но потом вспомнил: она просила дать ей посмотреть, что в мешке. Может статься, в награду за то она позволит ему не один поцелуй, и…

Как только он развязал мешок, их окутало облако смрадных испарений. Ким Той в ужасе отпрянула назад. Когда Кройд почувствовал приступ тошноты, он понял, что женщина больше не кажется ему красивой, что она ничуть не более желанна, чем сотня других женщин, встреченных сегодня на улице. Краем глаза он увидел, как поднимается с колен Джон, осознал, в каком дурацком положении находился он сам, и в тот же момент нашел объяснение происходящему.

Когда запах немного ослаб, волна очарования, исходившая от Ким Той, опять настигла его. Кренсон сжал зубы, снова наклонился над мешком и сделал глубокий вдох.

Ее красота сразу померкла, и он смог использовать свою силу.

– Так вот, я уже говорил, что тела больше нет. Его разорвали собаки. Джон Дьявол старался, как мог, но не уберег его. А теперь нам надо идти. Забудьте, что я здесь был.

– Пошли! – сказал он напарнику, когда тот наконец встал на ноги.

Дьявол покачал головой.

– Я не могу расстаться с этой девушкой. Она меня просила…

Кройд подвинул открытый мешок поближе к его лицу. Глаза Джона расширились. Потрясенный, он покачал головой.

– Пошли! – повторил Кройд, взвалил мешок на плечо и бросился бежать.

Дьявол Джон одним гигантским скачком обогнал его сразу на десять футов.

– Вот это чудеса, Кройд! Ничего не понимаю, – признался он, когда они были уже на другой стороне улицы.

– Вот ты и узнал, как действуют феромоны.

Небо снова затянуло тучами, и Кройд шел, подгоняемый порывами холодного ветра со снегом. Он расстался с Джоном у дверей очередного бара и пошел пешком в сторону центра. Поймать такси ему никак не удавалось – их нигде не было видно. Ехать с такой ношей в автобусе или метро он тоже не решался из-за толкотни и давки.

Когда он прошел еще несколько кварталов, снегопад усилился, а порывистый ветер крутил целые вихри снежных хлопьев и гонял их между домами. Автомобили на улице зажгли фары, и Кройд понял, что в такую пургу он ни за что не увидит такси, даже если машина проедет у него перед носом. Ругаясь сквозь зубы, он тащился дальше в поисках какой-нибудь забегаловки или ресторана, где можно было бы выпить кофе и переждать метель или вызвать такси по телефону. Однако по пути ему попадались только офисы.

Через некоторое время пошел снег с градом. Кройд прикрыл рукой глаза. Холода-то он не боялся, но град – это вещь посерьезнее. Он нырнул в первый попавшийся проход – он вел в какой-то двор – и вздохнул, расправив плечи, когда напор ветра ослаб.

Здесь было потише. Снег слабо кружился в воздухе. Он смахнул его с волос, отряхнул пиджак и потопал ногами. Потом осмотрелся. Слева, в нескольких шагах позади него, он увидел укромный уголок перед дверью, куда вело несколько ступеней. Он направился туда, думая переждать непогоду.

Кройд занес было ногу, чтобы подняться по ступенькам крыльца, но увидел, что в одном из углов прямоугольной площадки перед закрытой железной дверью кто-то уже сидит. Это оказалась женщина, одетая в какой-то мешковатый балахон, с бледным лицом и нечесаными волосами.

– …Ну Глэдис и сказала Марти: я, говорит, знаю, ты встречал эту официантку… – бормотала она.

– Прошу прощения, – сказал Кройд. – Вы не против, если я к вам присоединюсь? Там такой град…

– …Я ведь ей говорила, что она может забеременеть снова, еще не кончив кормить грудью, а она только смеялась надо мной…

Кренсон пожал плечами и прошел в противоположный угол.

– Она так расстроилась, когда поняла, что снова на сносях, – бубнила бродяжка, – а тут Марти с этой официанткой…

Кройд помнил, какой нервный срыв был у его матери после смерти отца, и в его душе шевельнулось сострадание к этой слабоумной старухе. Интересно, подумал он, может ли его сила, его новоприобретенная способность подчинять волю других людей помочь таким, как она? Все равно ему придется провести тут некоторое время… А может быть…

– Послушайте, – сказал он женщине, стараясь мыслить простыми и точными образами. – То, о чем вы думаете, давно прошло, его нет. Вернитесь к действительности. Вы сидите перед железной дверью и смотрите на снег…

– Ах ты, скотина! – завизжала женщина, лицо ее налилось кровью, а руки потянулись к мешку на поясе. – Не хочу я ничего знать! Не хочу здесь сидеть и пялиться на снег! Не хочу!

Она открыла мешок, и прямо на глазах у Кройда оттуда возникло что-то темное, полетело к нему, затмило все поле зрения, раздирая его на части, кружа в безумном хороводе…

Женщина, оставшись на площадке перед дверью одна, посмотрела на падающий снег и снова забормотала:

– …Так я ей и говорю: мужчины – народ ненадежный, особенно в денежных делах. Иногда приходится искать на них управу – тут уж ничего не попишешь. Вот этот приятный молодой человек из юридической консультации объяснит тебе, что надо делать. А потом Чарли, который работал в пиццерии…

Кройд почувствовал головную боль – непривычное для него ощущение. У него никогда не бывало похмелья, потому что организм слишком быстро усваивал алкоголь, но он представлял себе похмелье именно так. Потом он ощутил, что у него замерзли спина, ноги, ягодицы и тыльная сторона рук: он лежал на чем-то мокром и холодном. Наконец Кройд решился открыть глаза.

Небо между домами было темно-синим, без единого облачка, и на нем уже зажглись первые, самые яркие звезды. А ведь до этого шел снег. И был день, а не вечер. Он сел. Что с ним было в течение этих нескольких часов?

Он увидел мусорный бак. Рядом валялись пустые бутылки из-под вина и виски. Это тоже был двор, но…

Это был *другой* двор. Дома были пониже и там отсутствовал мусорный бак, а самое главное – он не видел двери, у которой они сидели со старухой.

Он помассировал себе виски и почувствовал, что немного согрелся. Старуха… Что это была за чертовщина – то темное, чем она его достала, когда он пытался ей помочь? Она вытащила это из своего мешка…

Господи, а где его мешок? Сильно волнуясь, он принялся шарить вокруг в поисках тщательно упакованных останков несчастного безымянного существа. Потом он понял, что свой порванный и вывернутый наизнанку мешок он все еще сжимает в правой руке.

Кройд вскочил на ноги и оглядел окрестности, освещаемые лишь тусклым светом далекого фонаря. Пакеты были разбросаны вокруг. Он сразу посчитал их. Правильно, девять. Потом он увидел и конечности, голову и хитиновый панцирь, правда, он был разломан на четыре части, а голова как-то неестественно блестела – вероятно, от сырости. А банка? Где же банка? Может быть, труп был нужен кому-то как раз из-за этой жидкости. А если банка разбилась…

Кройд радостно вскрикнул, когда увидел, что банка стоит в тени у стены дома слева от него. Верх у нее был отбит. Он бросился к ней и успокоился, когда по запаху понял, что в ней не дождевая вода.

Он подобрал пакеты, которые оказались почему-то совершенно сухими, и положил их на выступ подвального окна с решеткой. Рядом он сложил в кучку остатки хитинового скелета. Отыскав ноги, он увидел, что обе они сломаны, но решил, что так даже легче их упаковать. Потом посмотрел на банку для солений с отбитым верхом и улыбнулся. Все очень просто. Ответ был прямо перед глазами – благодаря стараниям пьянчуг, населявших окрестные трущобы.

Кренсон набрал несколько пустых бутылок, поставил их рядом с банкой и отвинтил пробки, потом осторожно перелил в них темную жидкость из банки.

У него получилось восемь бутылок разного калибра, которые он тоже поставил на оконный выступ рядом с горкой хитиновых обломков. Похоже, с каждой перетасовкой останков от бедного парня оставалось все меньше. А может быть, так казалось из-за того, что теперь он был уложен более компактно. Чтобы точно узнать, в чем тут дело, надо было учить в школе алгебру.

Позади раздались торопливые шаги. Кройд оглянулся, на всякий случай сжав кулаки, но рядом никого не было. Потом он увидел, как у его карниза на секунду остановился какой-то коротышка в одежде, висевшей на нем, как на вешалке, и схватил бутылку побольше и два пакета. Он побежал в дальний конец двора, где маячило еще несколько оборванцев.

– Эй ты! – закричал ему Кройд. – А ну стой! – Он попробовал ему это мысленно внушить, но тот был уже слишком далеко.

В ответ он услышал только хохот и крик:

– Ну, ребята, сегодня мы попируем!

Тяжело вздохнув, Кренсон достал из помойки кипу красной и зеленой праздничной оберточной бумаги и пошел к подвальному окну, чтобы заново упаковать то, что осталось.

С ярким свертком под мышкой он прошел еще несколько кварталов и, оказавшись рядом с баром «Блиндаж», понял, что находится в районе Гринвич-Вилидж. Он нахмурился, но потом увидел такси и поднял руку. Машина остановилась. Теперь все было в порядке. Даже голова перестала болеть.

Джуб поднял голову и увидел Кройда, который весело ему улыбался.

– Ну как… Как все прошло? – спросил он.

– Задание выполнено, – ответил Кройд и вручил ему ключ.

– Ты справился? В новостях было что-то про Джона…

– Я справился.

– А его вещи?

– Никаких вещей у него не было.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Ничего, кроме него самого. Он в ванне.

– Что?

– Все в порядке – я закрыл сток.

– Это что, шутка?

– Машина, на которой я ехал обратно, попала в аварию, и часть бутылок разбилась. Поэтому будь осторожен, когда станешь распаковывать, – там могут быть осколки.

– Какие еще бутылки?

– Он – как бы это сказать? – немного растерялся по дороге. Но все, что осталось, я доставил в целости.

– Что значит «осталось»?

– Ну, то, что сохранилось. Просто он развалился и немного потек. Я завернул все в разноцветную бумагу и перевязал красной ленточкой. Все правильно?

– Прекрасно, Кройд. Похоже, ты сделал все, что мог.

Джуб передал ему конверт с деньгами.

– Пойдем пообедаем в «Козырном тузе». Я плачу, – обрадовался Кренсон. – Вот только помоюсь сначала и переоденусь.

– Нет, спасибо, мне нужно… нужно заняться делами.

– Если пойдешь в эту квартиру, возьми какой-нибудь дезодорант.

– Хорошо. Тебе, наверное, трудно пришлось?

– Да нет, дельце было просто конфетка.

Кройд направился домой, посвистывая и сунув руки в карманы. Джуб задумчиво смотрел на ключ.

Уолтер Йон Уильямс. До шестого колена. Часть I

Холодный дождь барабанил по стеклянным люкам в крыше. Стук капель наконец-то заставил умолкнуть неугомонного Санта-Клауса на углу, и Максим Травничек блаженствовал – эта какофония не прекращалась уже несколько дней. Закурив русскую папиросу, он потянулся за бутылкой шнапса и сделал глоток. Чтобы взглянуть на контроллеры генераторов магнитного потока, ему пришлось воспользоваться очками, которые благополучно дожидались своего часа в кармане комбинезона.

Травничек был неестественно высокий человек с ястребиным носом и холодным красивым лицом. Бывшие коллеги по Массачусетскому технологическому институту звали его чехословацким ответом Франкенштейну – прозвище приклеилось к нему с легкой руки профессора Бушмилла, который впоследствии стал деканом в другом учебном заведении и при первой же возможности переманил Максима к себе.

– Чтоб тебе пусто было, Бушмилл, – сказал Травничек по-словацки и вновь глотнул шнапса из бутылки. – И тебе тоже, Виктор Франкенштейн. Смыслил бы хоть капельку в компьютерном программировании – не попал бы в переплет.

Сравнение с Франкенштейном его задевало. Образ злополучного воскресителя мертвых, казалось, преследовал его повсюду. Надо же было случиться, чтобы первое его место работы на Западе оказалось не где-нибудь, а в альма-матер Франкенштейна, Ингольштадте. Все время, что он проработал в Баварии, его душила ненависть. Травничек всегда считал немцев ни на что не годными, и меньше всего – в качестве примера для подражания. Не исключено, что его увольнение из Ингольштадта через пять лет именно этим и объяснялось.

И вот теперь, после Ингольштадта, после МТИ[3], после Техасского аграрно-механического, его занесло на этот чердак. Долгие недели Максим жил, словно погруженный в транс, питался консервами, поддерживая себя только никотином и амфетаминами, теряя счет сначала часам, а потом и дням, а его воспаленный мозг одну за другой выдавал новые идеи, концепции, методики. На сознательном уровне Травничек и сам не понимал, откуда они берутся; в такие моменты, казалось, нечто, сокрытое в глубине его клеточной структуры, говорит с миром посредством истощенного тела и разума, минуя сознание и личность…

Так было всегда. Когда он был одержим очередным проектом, все остальное отступало на второй план. Максим почти не спал, температура у него скакала, как сумасшедшая, мысли текли стремительным потоком, неуклонно двигая его к цели. Он читал, что аналогичное происходило с Теслой – а теперь тот же дух, ангельский или дьявольский, вселился в Травничека. Но в это утро туман рассеялся. Работа была сделана, как именно – трудно сказать. Потом придется заново пройти ее этап за этапом и выяснить, чего удалось добиться. Он подозревал, что ее результатом станет не меньше полдюжины таких патентов, которые обеспечат ему безбедное существование до конца дней… Но все это позже, потому что скоро эйфория уступит место скуке. Следовало закончить работу, пока этого не случилось.

Он сделал еще глоток шнапса и ухмыльнулся, обведя взглядом свой длинный, похожий на сарай чердак.

Помещение озаряли холодные флюоресцирующие огоньки индикаторов. Самодельные столы были завалены всевозможными приборами; бумаги, пустые консервные банки, раздавленные окурки усеивали шершавый пол из древесного слоистого пластика. Со стропил свисали увеличенные снимки с набросков Леонардо да Винчи, изображавших мужские тела.

На каталке лежал пристегнутый ремнями высокий обнаженный мужчина с прозрачной макушкой. У него не было волос, но в остальном он казался воплощением мечты Леонардо

[3] МТИ – Массачусетский технологический институт.

об идеальном человеке. От его рук и ног к каким-то приборам тянулись толстые электрические кабели. Глаза у него были закрыты.

Травничек поправил регулировку на камуфляжном комбинезоне. Он не мог позволить себе отапливать весь чердак, поэтому носил электрический костюм, предназначенный для любителей утиной охоты. Если судить по стеклянным люкам, то дождь, похоже, начинал утихать – хорошая новость. Максим, в отличие от Виктора Франкенштейна, не нуждался для работы в дешевом антураже вроде грома и молнии.

Он расправил галстук, словно перед незримой аудиторией: одна из его привычек – даже под комбинезоном носить пиджак и бабочку, – и нажал кнопку, которая запускала генераторы магнитного потока. Негромкий стон разнесся по чердаку, в ответ пол ответил еле заметной вибрацией. Люминесцентные лампы на потолке потускнели и заморгали, половина из них спустя секунду погасла. Стон перешел в визг. Между балками заплясали огни святого Эльма. Запахло озоном.

Словно через слой ваты Травничек услышал глухой стук. Склочная баба, жившая этажом ниже, колотила в потолок ручкой швабры.

Визг между тем достиг своего апогея. Посуда по всему дому полопалась, в квартире внизу взорвался телевизор.

Андроид на столе дернулся, и Травничек нервно перекусил картонную гильзу папиросы, а потом швырнул окурок на пол.

Вой генераторов начал затихать. А стук швабры только стал громче, и глухие угрозы, несущиеся снизу, тоже.

– Только попробуй не заплатить за мой телевизор, скотина!

– Засунь свою швабру к себе в задницу, дорогуша, – посоветовал Максим на немецком языке, идеально приспособленном для ругательств.

Люминесцентные лампы вновь замигали и включились.

Под строгим взглядом творений Леонардо андроид открыл темные глаза. Моргающие лампы создавали стробоскопический эффект, от которого белки его глаз казались какими-то ненастоящими. Голова медленно повернулась; взгляд нашел Травничека и сфокусировался. Под прозрачной макушкой черепа вращался серебристый диск. Соседка снизу наконец утихомирилась.

Максим подошел к столу.

– Ну, как дела? – спросил он.

– Все системы функционируют нормально.

Голос у андроида был низкий; говорил он на американском английском.

Травничек улыбнулся и сплюнул огрызок папиросы на пол. Из исследовательской лаборатории фирмы «АйТи-энд-Ти» ему удалось украсть программу, которая моделировала человеческую речь. Может быть, когда-нибудь он даже заплатит им гонорар.

– Кто ты? – спросил он.

Глаза андроида неторопливо обвели взглядом чердак.

Я – Модульный человек, – ответил он. – Я – универсальный многофункциональный искусственный интеллект шестого поколения, система гибкого реагирования и отражения нападений автономного действия, оборудованная самым современным оружием.

– Пентагону это понравится. – Травничек ухмыльнулся и добавил: – Каковы твои инструкции?

– Подчиняться моему создателю, доктору Максиму Травничеку. Защищать его жизнь и здоровье. Тестировать себя и свои системы в условиях боевых действий путем борьбы с врагами общества. Приобрести максимальную известность на благо будущей компании «Модуль Энтерпрайзиз». Поддерживать свое существование и исправность.

Максим кивнул своему детищу.

– Твоя одежда и дополнительные модули в шкафу. Оденься, возьми оружие, отправляйся на улицу и отыщи каких-нибудь врагов общества. До заката вернись обратно.

Андроид слез с каталки и двинулся к металлическому шкафу. Распахнул дверцу.

– Генератор нематериальности потокового поля, – сообщил он, отыскивая на полке сменный блок. С его помощью можно было управлять генераторами магнитного потока так, чтобы проходить сквозь твердое вещество или перемещать свое тело в другое измерение. – Полет, максимальная скорость восемьсот миль в час. – С этими словами Модульный человек снял с полки еще один блок, который позволял генераторам потока воздействовать на гравитацию и инерцию таким образом, что андроид мог подниматься в воздух. – Радиоприемник, настроенный на полицейские частоты.

Андроид провел пальцем по груди сверху вниз, и невидимый шов раскрылся. Он сдвинул синтетическую плоть и сделанную из сплава грудную пластину, под которыми обнаружилась электронная начинка. Миниатюрный генератор магнитного потока окружало слабое свечение. «Искусственный интеллект шестого поколения» подключил два модуля к каркасу из сплава, затем закрыл грудь. На полицейской частоте шел оживленный обмен репликами.

– Доктор Травничек, – доложил андроид. – Полицейские сообщают о чрезвычайном происшествии в зверинце Центрального парка.

Максим залился квохчущим смехом.

– Отлично. Самое время для твоего дебюта. Возьми оружие. Возможно, тебе придется кого-нибудь ранить.

Модульный человек между тем натянул эластичный темно-синий комбинезон.

– Лазерная микроволновая пушка, – принялся перечислять он. – Гранатомет и гранаты с усыпляющим газом.

Андроид расстегнул молнии на комбинезоне рядом с плечами, где обнаружились два паза, для них в шкафу нашлись два длинных цилиндра.

– Давай, выметайся отсюда.

Послышался треск, потянуло озоном, по воздуху пошла рябь, и андроид вылетел через потолок. Травничек уставился взглядом в то место в потолке, сквозь которое прошел ИИ, и удовлетворенно улыбнулся. Потом поднял бутылку, словно хотел произнести тост, и покрутил головой.

– Современный Прометей, лопни моя задница!

Андроид по спирали устремился в небо; дождь хлестал по прозрачному куполу его радара. Неподалеку Эмпайр-стейт-билдинг вонзался в облако, точно богато украшенная острога. Андроид вернул себе материальность – поле слишком быстро расходовало энергию и без особой необходимости включать его не стоило.

Команды экспертно-системной программы неслись по макроатомным переключателям. Подпрограммы, призванные имитировать человеческое мышление и написанные с таким расчетом, чтобы могли в определенных рамках модифицировать себя, начали перестраиваться в более эффективную последовательность. Травничек был гением программирования, но ему недоставало терпения доводить свои программы до совершенства, поэтому они получались, как правило, запутанными и сверхусложненными. Андроид быстро подредактировал код своего творца и почувствовал, как его системы заработали эффективнее, параллельно он оценивал программу, которая ждала своего часа в его электронном мозгу. *«Всякая всячина»* занимала уйму места и, судя по всему, представляла собой отвлеченную, беспорядочную и бессистемную попытку воссоздать человеческий характер. По всей видимости, Травничек написал ее затем, чтобы андроид обращался к ней, если не сможет разобраться в тонкостях человеческой мотивации. *«Всякая всячина»* была громоздкой, неудачно скомпонованной, а сам код изобиловал поправками и явными противоречиями. Куда разумнее было бы разбить эту программу

на подпрограммы и вставить их в тот участок основной программы, который отвечал за общение с людьми. Эффективность подобного решения не вызывала у андроида никаких сомнений – и он последовал ему.

Будь он человеком, в эти мгновения он наверняка утратил бы контроль над собой. Но он был андроидом и поэтому уверенно сохранял заданный курс, несмотря на то что мозг его пылал, словно миниатюрная сверхновая, в огне записанных машинным языком человеческих переживаний. Его восприятие окружающего мира, более сложное, чем у людей, и включающее в себя инфракрасный, видимый и ультрафиолетовый диапазоны вкупе с радиолокационным изображением, вдруг померкло в сравнении с безбрежным океаном человеческих страстей. Любовь, ненависть, вожделение, зависть, страх, жажда превосходства – все сплелось в мозгу Модульного человека в ошеломляющий аналоговый узор.

Между тем он продолжал свой полет, наращивая скорость до тех пор, пока в ушах у него не заревел ветер. Ожили инфракрасные рецепторы. Гранатометы на плечах завертелись и сделали по пробному выстрелу в небо. Радар начал поиск по крышам домов и улицам, заодно фиксируя движение воздушного транспорта; электронный мозг андроида принялся сопоставлять радиолокационное изображение с тем, что уже было создано ранее, и выявлять расхождения.

С изображением Эмпайр-стейт-билдинг явно происходило что-то не то. Большой объект взбирался по его боку, а вокруг золотого шпиля вилось еще несколько меньших, размером с человека. Андроид сопоставил этот факт с информацией, хранившейся в его базе данных, и изменил курс.

По стене здания взбиралась сорокапятифутовая обезьяна, та самая, которая, судя по информации из базы данных андроида, жила в зверинце при Центральном парке до тех пор, как ее обнаружили разгуливающей по парку девятого ноября тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, когда во всем Нью-Йорке отключилось электричество. На запястьях у обезьяны болтались обрывки цепей, а в кулаке она сжимала хорошенькую блондинку. Вокруг них носились летающие люди. К тому времени, когда андроид оказался рядом с ними, толпа тузов стала довольно плотной и напоминала небольшое электронное облако, размазанное вокруг скалящего зубы мохнатого ядра. В воздухе стоял гул реактивных двигателей, крыльев, силовых полей, пропеллеров, вулканических выбросов. В обезьяну были нацелены пистолеты, жезлы, лучеметы и менее узнаваемые виды оружия, но ни одно из них не было пущено в ход.

Обезьяна с тупым упорством продолжала карабкаться вверх. Ее когти скрипели по стеклу. Изнутри небоскреба доносились приглушенные крики страха.

Андроид синхронизировал свою скорость со скоростью пернатой и когтистой женщины с двенадцатифутовыми крыльями. Судя по его данным, ее звали Соколицей.

– Он уже второй раз за этот год сбегает, – сообщила она. – И каждый раз хватает какую-нибудь блондинку и лезет с ней на Эмпайр-стейт-билдинг. И почему его так тянет на блондинок, интересно знать? – И крылатая женщина тряхнула роскошной каштановой гривой.

– Почему никто ничего не делает? – спросил Модульный человек.

– Если мы подстрелим обезьяну, она может раздавить девушку, – пояснила Соколица. – Или уронить ее. Обычно Великая и Могучая Черепаха просто разжимает шимпанзе пальцы и опускает девушку на землю, а потом мы пытаемся сбить обезьяну. Она обладает способностью к регенерации, так что можно не бояться ее ранить. Но Черепахи что-то нет.

– Думаю, я понял, в чем проблема.

– Эй, кстати, а что у вас с головой?

Андроид ничего не ответил и включил генератор поля нематериальности. Внутренняя энергия хлынула в n-мерное пространство. Модульный человек изменил курс и устремился к обезьяне. Она оскалила зубы и зарычала на него. Андроид спланировал точно на мощную лапу, которая сжимала белокурую девушку, и его рецепторы передали ему картину в духе

импрессионистов: всклокоченные светлые волосы, залитое слезами лицо, молящие голубые глаза.

– Вот черт! – выругалась девушка.

Модульный человек поместил нематериальный микроволновой лазер внутрь обезьяньей лапы и выбрал полную мощность. Шимпанзе вздрогнул, как ужаленный, и разжал лапу, блондинка полетела вниз. Глаза обезьяны расширились от ужаса. Андроид отключил генератор поля, увернулся от двенадцатифутового птеродактиля, подхватил девушку на вновь ставшие материальными руки и полетел прочь.

Глаза шимпанзе стали еще шире. За последние двадцать лет он сбегал девять раз и отлично знал, что последует дальше.

Андроид услышал за спиной гром взрывов, треск, выстрелы, вой реактивных снарядов, шипение лучей, крики, глухие удары и бесполезный рев. Потом до него донесся последний прерывистый стон, и на его сетчатке появилось изображение темного силуэта длиннорукого великана, который, кувыркаясь в воздухе, летел вниз. Что-то зашипело, над Пятой авеню раскинулась паутина холодного голубого огня, обезьяна упала в нее, подскочила один раз, и ее, потерявшую сознание и дымящуюся, потащили в зверинец Центрального парка.

«Искусственный интеллект шестого поколения», собираясь начать спуск, оглядел улицы в поисках видеокамер.

– Не могли бы вы еще ненадолго задержаться в воздухе? – попросила блондинка. – Если вы собираетесь приземлиться перед журналистами, то, с вашего разрешения, я хотела бы привести себя в порядок.

«Быстро она пришла в себя», – подумал андроид и начал кружить над камерами. В их далеких объективах мелькало его отражение.

– Меня зовут Синди, – представилась блондинка. – Я актриса. Всего два дня как приехала сюда из Миннесоты. Это может стать для меня неплохим началом.

– И для меня тоже, – ответил андроид.

Он улыбнулся, надеясь, что сделал правильное выражение лица. Судя по тому, что девушка не проявила беспокойства, он не ошибся.

– Кстати, – добавил он, – я нахожу, что этот шимпанзе продемонстрировал отменный вкус.

– Неплохо, совсем неплохо, – бормотал Травничек, просматривая видеозапись, на которой андроид после краткого интервью прессе взмыл в небеса с Синди в объятиях.

Затем он повернулся к своему творению.

– Какого рожна ты все время прикрывал руками башку?

– Из-за радарного купола. Я стесняюсь. Все постоянно спрашивают, что у меня с головой.

– Застенчивая универсальная оборонительно-наступательная система, – покачал головой Травничек. – С ума сойти! Только этого миру и не хватало!

– Можно я сделаю себе накладку на череп, а то в таком виде вряд ли попаду на обложки журналов?

– Хорошо. Давай дальше.

– «Козырные тузы» угощают того, кто ловит шимпанзе, когда он убегает, бесплатным обедом на двоих. Можно мне пойти? Думаю, это даст мне возможность завести массу полезных знакомств. К тому же Синди – та девушка, которую я спас, – хотела назначить мне там свидание. И Соколица тоже просила меня участвовать в ее телепрограмме. Можно мне туда?

Травничек ликовал. Его андроид имел успех. Он решил, что непременно пошлет свое творение разгромить кабинет Бушмилла в МТИ.

– Ну конечно же, – разрешил он. – Там ты будешь на виду. Это будет полезно – во всех смыслах. Но сначала открой-ка свою голову. Мне нужно кое-что подправить.

Зимнее небо кишело хвостатыми звездами. Там, где погода выдалась ясной, миллионы зрителей наблюдали за тем, как огненные линии – красные, желтые, зеленые, синие – расчерчивают ночную тьму. Космическая буря оставила дымные следы через все небо даже на дневной стороне Земли.

Их путь длился тридцать тысяч лет с того самого дня, когда Прародительница Роя покинула последнюю покоренную планету и наугад устремилась в небо, как летучее семечко в поисках плодородной почвы. Громадная – тридцать километров в длину и двадцать в ширину – Прародительница внешне походила на астероид, но целиком состояла из органического материала: плотная оболочка защищала уязвимую сердцевину, переплетения нервов и волокон, исполинские полости с биомассой и генным материалом, из которых потом она создаст себе слуг. Внутри дремал Рой, и лишь когда Прародительница приблизилась к Солнцу, он начал пробуждаться.

Год спустя после того, как Прародительница Роя пересекла орбиту Нептуна, она уловила исходящее от Земли хаотическое радиоизлучение, в котором прослеживались определенные последовательности сигналов – воспоминания о них были вмонтированы в ее ДНК. На этой планете существовала разумная жизнь, и ее представители обычно защищали свои планеты от нападения. Это обстоятельство следовало учитывать.

Наиболее действенным способом завоевать врага были микроорганизмы. Один точно подобранный вирус способен был уничтожить все живое. Но Прародительница Роя не могла управлять вирусом в том смысле, в каком она командовала более крупными видами; к тому же вирусы имели отвратительное обыкновение мутировать и становиться опасными для своих хозяев. Прародительница Роя, заполненная биомассой и искусственно выведенной мутагенной ДНК, сама была слишком уязвима для биологической атаки, чтобы рисковать произвести на свет отпрыска, способного погубить собственную родительницу. Здесь требовался другой подход.

В течение последующих одиннадцати лет Прародительница Роя постепенно перестраивала собственную структуру. Крошечные безмозглые слуги – зародыши – в строго контролируемых условиях обрабатывали генетический материал и при помощи безопасных вирус-имплантатов внедряли его в ждущую биомассу. Сначала был создан отслеживающий интеллект, который получал и записывал непонятные сигналы с Земли. Затем мало-помалу обрел форму рассуждающий интеллект, способный анализировать данные и действовать в соответствии с выводами. Главный интеллект обладал невероятной мощностью, но пока был в состоянии воспринимать лишь крохотную долю того упорядоченного излучения, которое он получал.

И вот Прародительница Роя сочла, что настало время действовать. Как мальчишка разоряет палкой муравейник, так она намеревалась разворошить всю Землю. Слуги внутри ее тела все множились, перемещая генетический материал, воссоздавая самых грозных хищников, сведения о которых хранились в памяти Роя. Твердотопливные ракетные двигатели, словно редкие орхидеи, росли в специально сконструированных камерах. Слепые слуги в глубине утробы Прародительницы неутомимо лепили из твердых смол капсулы, способные выдержать космическое путешествие. На это уходила одна треть всей имеющейся в распоряжении биомассы – первого поколения отпрысков Роя. Они не обладали разумом, но могли реагировать на телепатические команды Прародительницы Роя. Грозные и нерассуждающие, запрограммированные лишь на то, чтобы нести смерть и разорение, – именно такие действия были внедрены в их генетическую память. Их поместили в капсулы, которые, словно мерцающий рой светлячков, понеслись к Земле.

Абляционная смола капсул горела в земной атмосфере, озаряя небо. Из каждой капсулы вытянулись нити, замедляя спуск и стабилизируя вращение. Затем, уже над самой поверхностью земли, капсулы распались, освобождая свой груз.

Отпрыски, очнувшиеся после долгого сна, ощутили голод.

Мужчина, облаченный в подобие замысловатого бронежилета, поставил ногу на заграждение из латуни и через весь подковообразный бар обратился к стройной блондинке в маске, которая время от времени становилась прозрачной.

– Прошу прощения, – проговорил он. – Мы с вами, случайно, не встречались, когда ловили обезьяну?

– Ваш столик почти готов, Модульный человек, – сказал Хирам Уорчестер, хозяин «Козырных тузов». – Прошу прощения, я не думал, что Фортунато пригласит всех своих друзей.

– Ничего страшного, Хирам, – отозвался андроид. – Нам и здесь неплохо. Спасибо.

Он осваивал вежливые обороты речи, и хотя не был точно уверен, когда и какое из них будет к месту, но был исполнен решимости это выяснить.

– Там еще парочка фотографов поджидает.

– Пусть поснимают, когда мы усядемся, а потом прогоните их, ладно?

– Конечно. – Хирам улыбнулся андроиду. – Да, – добавил он, – ваша сегодняшняя тактика была гениальной. Если эта обезьяна когда-нибудь доберется сюда, я сделаю ее невесомой. Хотя такого еще ни разу не случалось. Семьдесят два этажа – это рекорд.

– Конечно, Хирам. Я уверен, что все получится.

Хозяин довольно улыбнулся и поспешил прочь. Андроид поднял руку, чтобы подозвать официанта.

Синди была облачена в нечто лазурное, оставлявшее обнаженной значительную часть груди и еще большую часть спины. Она с улыбкой изучала своего спутника.

– Мне нравится твоя шапочка.

– Спасибо. Я сам ее сделал.

Она бросила взгляд на его опустевший стакан.

– Скажи, а ты что… на самом деле пьянеешь от виски?

– Нет. Это не совсем так. Я просто помещаю его в накопительный резервуар вместе с пищей, и мои генераторы расщепляют его и преобразуют в энергию. Но отчего-то… – Официант принес ему полный стакан, и он с улыбкой принял его. – Отчего-то мне нравится стоять вот так, поставив ногу на ограждение, и пить его.

– Да. Я тебя понимаю.

– Но я, разумеется, ощущаю вкус. Я не знаю, что вкусно, а что нет, поэтому пробую все подряд. Вычисляю.

Он поднес стакан к носу, втянул ноздрями запах, потом пригубил жидкость. Вкусовые рецепторы затрещали, в носовой полости заполыхал небольшой пожар.

Подошел Хирам, чтобы проводить их к столику. Едва он вскрыл бутылку шампанского, как вокруг засверкали вспышки фотокамер. Андроид взглянул в огромное панорамное окно и сквозь просвет в облаках увидел несущийся по небу метеор.

– Думаю, я могла бы к этому привыкнуть, – заметила Синди.

– Погоди, – остановил ее андроид. Он что-то слушал по своему радиоприемнику. Девушка смотрела на него с любопытством.

– В чем дело? – поинтересовалась она.

Передача окончилась.

– Вынужден принести свои извинения. Я позвоню позже, – сказал андроид. – В Нью-Джерси чрезвычайное происшествие. Похоже, на Землю вторглись пришельцы из космоса.

– Что ж… Если ты должен уйти…

– Я позвоню тебе позже, даю слово.

Силуэт андроида потускнел. Послышалось электростатическое потрескивание. Андроид поднялся в воздух и вылетел через потолок.

Хирам замер с бутылкой в руке. Потом повернулся к Синди.

– Он что, серьезно? – спросил он.

– Он неплохой малый – для робота, – сказала Синди, подперев подбородок ладонью. – Но в голове явно не хватает винтиков. – Она подняла бокал. – Давай выпьем, Хирам.

Совсем неподалеку другого человека мучили кошмары. Страшные чудища плотоядно облизывались, глядя на него. Перед ним проплывали вереницы образов: мертвая женщина, перевернутая пентаграмма, гибкий обнаженный мужчина с шакальей головой. В ушах эхом звенел зловещий хохот. Весь в поту, он с криком проснулся.

Он вслепую потянулся к ночнику, включил свет. Пошарил в поисках очков. Нос был скользким от пота, и толстые массивные очки съехали с переносицы. Он даже не заметил этого.

Мужчина хотел позвонить по телефону, потом вспомнил, что для этого сначала придется самостоятельно добраться до инвалидной коляски. Можно было поступить проще. Он потянулся своим сознанием на улицу, и глубоко в его мозгу на призыв ответило другое, только что проснувшееся сознание.

«Вставай, Хаббард, – мысленно приказал он своему собеседнику и поправил пальцем очки. – На Землю сошла Тиамат»[4].

Над Принстоном уходила в небо колонна мрака. Андроид увидел ее на экране радара и сначала принял за дым, но потом осознал, что облако не движется на ветру, а состоит из тысяч живых существ, кружащих над местностью, словно стая хищных птиц. Макроатомное сердце андроида дрогнуло. Среди его алгоритмов не было ничего подходящего.

В его мозгу трещали фразы переговоров, растерянные, умоляющие о помощи, захлебывающиеся от отчаяния. Модульный человек замедлил движение и принялся сканировать лежащую под ним темную землю. Большие инфракрасные пятна – скопления отпрысков Роя – копошились между обсаженными деревьями улицами. Пятна были разрозненными, но их движение имело цель: они стремились к городу. Можно было подумать, что кто-то назначил Принстон местом их сбора.

Андроид резко сбросил высоту и услышал какую-то яростную возню, крики, выстрелы. Гранатометы у него на плечах ожили в тот момент, когда он спикировал вниз и увеличил скорость.

Существо было безногим и двигалось как улитка – каждое такое волнистое движение выбрасывало вперед скользкое тридцатифутовое тело. Голову прикрывал панцирь, по бокам челюстей стекала слюна. Пара гигантских бескостных рук оканчивалась клешнями. Сейчас эта тварь долбила головой двухэтажный загородный дом в колониальном стиле, и каждый такой удар оставлял дыры, а руки уже забирались в окна и шарили в поисках его обитателей. Со второго этажа его пытались остановить выстрелами.

Модульный человек завис в воздухе и послал залп из лазера. Импульсная микроволна была невидимой и неслышной. Существо мелко задрожало, завалилось на бок, забилось в конвульсиях. После второго выстрела оно еще раз дернулось и затихло. Андроид нырнул в окно, над которым подмигивали огоньки рождественской гирлянды, и увидел совершенно голого толстяка с крупнокалиберным охотничьим ружьем в руках, мальчишку-подростка со спортивным пистолетом и женщину, прижимавшую к себе двух маленьких девочек, которые были так перепуганы, что не могли даже дрожать.

[4] В аккадской мифологии (космогоническая поэма «Энума элиш») персонификация первозданной стихии, воплощение мирового хаоса.

– Боже правый! – ахнул хозяин дома. Его жена и дочери дружно завизжали.

– Я убил его, – сообщил андроид. – Можете сесть в машину?

– Думаю, да, – ответил толстяк, заряжая ружье.

– Езжайте на восток, к Нью-Йорку, – продолжал Модульный человек. – Здесь их, похоже, больше всего. Может, вам стоит объединиться с какими-нибудь соседями?

– Что происходит? – спросил толстяк, передернув затвор. – Еще одна вспышка дикой карты?

– По всей видимости, это пришельцы из космоса.

На заднем дворе послышался грохот. Андроид выскочил из окна, поднялся над крышей и увидел существо, похожее на шестидесятифутовую змею, которое двигалось вперед извилистыми движениями, подминая под себя кусты, деревья, опоры линии электропередачи. Под брюхом у змеи шевелились десятифутовые реснички. Залп из лазера в голову существа не дал никакого эффекта, еще один – также безуспешно. Спустя несколько мгновений из другого окна раздались выстрелы – хозяин дома поддержал его.

Затрещали балки: чудовище налегло на дом. Здание накренилось, одна стена пошла трещинами, Андроид продолжал стрелять, чувствуя, как иссякает энергия. Охотничье ружье грохнуло еще раз. Отвратительное существо подняло голову и с силой ударило ею в окно, из которого стрелял толстяк. Тело твари содрогнулось несколько раз. Хвост замолотил по земле. Затем змея вытащила голову и поползла к соседнему дому. У Модульного человека почти не осталось энергии, он едва держался в воздухе.

Тактика не сработала, попытки помочь отдельно взятым людям выльются в беспорядочные и по большей части напрасные усилия. Нужно выследить неприятеля, узнать его численность и намерения, затем отыскать где-нибудь очаг организованного сопротивления и присоединиться к нему.

Андроид полетел к Принстону, собирая информацию, которая поступала к нему от датчиков, и пытаясь сложить из нее картину происходящего.

Внизу взвыли сирены. Люди выбирались из полуразрушенных домов. Куда-то промчались машины «Скорой помощи» с включенными мигалками. Несколько автомобилей ошалело метались по засыпанным кирпичами улицам. То и дело в разных местах вспыхивали пожары, но сырость и мелкая морось, то начинавшаяся, то вновь утихавшая, не давали им разгореться. Модульный человек заметил еще с десяток змей, а также сотню более мелких хищников, которые рыскали, как пантеры, на шести лапах. Полчища каких-то странных существ походили на прыгучих пауков, их ноги-ходули легко переносили четырехфутовые тела через деревья. Двадцатифутовое двуногое создание скалило зубы, которых не постеснялся бы и тиранозавр. Еще какие-то твари, которых трудно было рассмотреть в инфракрасном диапазоне, напоминали ползучие ковры. Что-то незримое выпустило в него тучу трехфутовых игл, но радар подсказал ему об их приближении.

Темное облако все так же продолжало кружить над Принстоном, и андроид решил как следует разглядеть его. Их были тысячи, темных кожистых тварей, похожих на летающие половые тряпки. Согласный гул их крыльев изредка прерывали негромкие заунывные звуки, похожие на треньканье басовой струны. Твари то камнем падали вниз, то снова взмывали вверх, и андроид понял их тактику, когда увидел, как из какого-то гаража с визгом выехала машина и понеслась по улице. От облака отделилась небольшая группка и дружно устремилась вниз, налетела на машину и облепила ее крыльями, прижимая к земле своей тяжестью. Модульный человек, который уже частично успел восстановить энергию, принялся стрелять по летучим тварям и даже уложил нескольких, но машина уже перевалилась через бордюр тротуара и врезалась в здание. Примеру первой группы, которая принялась втискиваться в машину сквозь разбитые стекла, последовали другие. Едкая кислота пятнала краску. Андроид поднялся выше и начал палить по летучей массе, пытаясь отвлечь на себя их внимание.

Облако спикировало на него – несколько сотен летунов разом, – тогда Модульный человек набрал скорость и полетел к югу, уводя их за собой и время от времени отстреливаясь через плечо. Мертвые твари падали на землю, как сухие листья. Все больше и больше летунов присоединялось к погоне. Очевидно, эти существа были не слишком умны. Андроид петлял, то набирал высоту, то вновь снижался, чуть опережая хлопающее крыльями облако, и вскоре собрал за собой тысячи крылатых тварей.

Внезапно его датчики дали сбой, не справившись с ошеломляющим потоком входной информации, но спустя мгновение ситуация стабилизировалась. Между тем полчища существ наступали фронтом в виде заостренного полумесяца, вершина которого была направлена на север от Принстона. В воздухе стоял оглушительный лязг и скрежет, Рой прокладывал себе дорогу через город прямо по домам, деревьям, учреждениям, сравнивая с землей все на своем пути. Андроид набрал высоту, произвел кое-какие подсчеты, а летучие твари все так же стонали и хлопали крыльями у него за спиной. Орда двигалась довольно быстро с учетом того, что после ее прохождения не оставалось и камня на камне; андроид оценил скорость ее перемещения в двенадцать-пятнадцать миль в час. Он довольно неплохо представлял себе средний размер представителя Роя, поэтому разделил входящее инфракрасное излучение на составные части и сделал вывод, что перед ним как минимум сорок тысяч существ. Хотя новые твари постоянно прибывали, да еще у него за спиной собралось не меньше двадцати тысяч летунов.

Андроид в отличие от человека не мог усомниться в своих расчетах. Следовало немедленно уведомить кого-нибудь о том, с угрозой какого масштаба столкнулась Земля. Наплечные гранатометы развернулись назад, чтобы придать ему большую обтекаемость, и Модульный человек отправился обратно на север, резко увеличив скорость.

Модульный человек оказался над Принстоном за считаные секунды. Еще тысяча или даже больше тварей успели проникнуть в город, и радар постоянно регистрировал рушащиеся один за другим под бешеным натиском дома, беспорядочный треск выстрелов, а в одном месте – взрывы и грохот более тяжелого оружия. Андроид поспешил на шум.

Национальная гвардия сдерживала осаду. Одна из змееподобных тварей, развороченная разрывным снарядом, билась на улице перед зданием арсенала, взметая клубы осевшего слезоточивого газа. Вокруг валялись трупы хищников и человеческие тела. На бетонной площадке перед зданием громоздился перевернутый танк «М-60», другой перегородил открытые ворота транспортного ангара и теперь заполонял весь экран радара своим инфракрасным изображением. Три гвардейца в тяжелом обмундировании и в противогазах стояли на танке позади орудийной башни. За танком укрылась дюжина штатских с дробовиками и охотничьими ружьями, а позади них столпилось еще около пятидесяти горожан. Андроид сделал восемь выстрелов, каждый из которых угодил точно в цель, скосил первую волну нападавших, пронесся над танком и опустился рядом с гвардейцами. Они по-совиному уставились на него сквозь круглые очки противогазов. Где-то в здании взревели, набирая обороты, двигатели.

– Кто здесь главный?

Человек с серебряными нашивками лейтенанта поднял руку.

– Лейтенант Гольдфарб, – представился он. – Я – дежурный офицер. Что за чертовщина здесь творится?

– Вам придется вывести отсюда этих людей. Это десант пришельцев из космоса.

– А я-то думал, что это китайцы. – Противогаз приглушал его язвительную интонацию.

– Они движутся от Гроверс-Миллс.

Один из гвардейцев вдруг начал икать. Мало кто узнал бы в этом звуке смех.

– П-прямо «Война миров» как-кая-то. Об-балдеть.

– Да заткнись ты. – Гольдфарб едва не задохнулся от ярости. – У меня здесь всего два десятка боеспособных парней. Думаете, мы сможем остановить их у Раританского канала?

– Их по меньшей мере сорок тысяч.

Гольдфарб привалился к башне.

– Значит, отправляемся на север. Попытаемся поднять Соммервилль.

– Советую вам поспешить. Летуны возвращаются. Видели их?

Лейтенант махнул рукой на распростертые на земле кожистые тела.

– Вот, полюбуйтесь. Похоже, слезоточивый газ им не по вкусу.

– Там что-то еще приближается!

Один из солдат поднял гранатомет. Модульный человек не глядя пальнул через плечо и уложил гигантского паука.

– Не слабо, – присвистнул солдат.

– Послушайте, – начал Гольдфарб. – Губернатор – наш главнокомандующий, нужно вытащить его из дворца.

– Я мог бы попытаться, – ответил андроид, – но я не знаю, где дворец. – Он опять через плечо прикончил покрытую панцирем улитку. Потом взглянул на офицера. – Мы могли бы подняться в воздух.

– Секунду.

Лейтенант приказал двум своим подчиненным отвести штатских к бронемашинам и затем собраться в колонну.

– Только не включайте фары, – посоветовал Модульный человек. – Летуны не сразу вас заметят.

– У нас есть инфракрасная аппаратура.

– Я бы на вашем месте ею воспользовался.

Прозвучало вполне вежливо.

Взревели бронемашины. Андроид подхватил Гольдфарба и взмыл в небо.

– От винта! – воскликнул офицер.

Вероятно, так военные выражают свое одобрение.

Оглушительный шелест в вышине свидетельствовал о том, что крылатые твари возвращаются. Андроид спикировал к самой земле и принялся петлять между разрушенных домов и выкорчеванных деревьев.

– Дерьмо! – выругался Гольдфарб.

Морвен превратился в руины. От губернаторского дворца остался один фундамент. Никаких признаков жизни видно не было.

Андроид решил вернуть лейтенанта к его подчиненным, по пути ему удалось пристрелить два десятка существ.

Шесть бронетранспортеров и два танка были готовы выехать. Модульный человек опустил Гольдфарба на землю у одного из бронетранспортеров. В воздухе стоял оглушительный шум крыльев.

– Я попытаюсь увести летунов за собой, – сказал андроид. – Подождите, когда небо очистится, и только тогда выезжайте.

Он снова взлетел в небо, направляясь к Гроверс-Миллс, и твари бросились за ним в погоню. Внизу по-прежнему расползался гигантский полумесяц из чудовищ, которые приближались все в том же неизменном пугающем темпе. «Искусственный интеллект шестого поколения» развернулся и, оставив сбитых с толку преследователей далеко позади, набрал скорость и полетел к Принстону. За ним помчались лишь несколько летунов.

Колонна Гольдфарба выехала из Принстона и двигалась по автотрассе номер двести шесть в ореоле инфракрасных лучей и орудийного огня. Беженцы, привлеченные ревом танков и бронетранспортеров, цеплялись за машины. Андроид стрелял и стрелял, сбивая одну тварь за другой, чтобы помешать им атаковать, но энергия была уже на исходе. Он довел колонну до безопасной зоны, где машины вынуждены были замедлить движение: шоссе запруживали потоки беженцев, тянувшиеся на север.

Модульный человек решил отправиться в Форт-Дикс.

Лейтенант уголовной полиции Джон Ф. К. Блэк из джокертаунского полицейского участка всю дорогу до кабинета мэра в здании городского управления так и продержал Тахиона в наручниках. Остальные полицейские не выпускали из рук пистолетов.

«Это страх, – подумал Тахион. – Они все насмерть перепуганы. Но почему?»

– Будьте любезны, мои пальто и шляпу.

Вежливые слова ничуть не смягчили повелительного тона.

– Если вы так настаиваете, – отозвался Блэк, передавая Тахиону умопомрачительную шляпу с пером и бледно-лиловое бархатное пальто под цвет глаз. Его грубое, с резкими чертами лицо расплылось в циничной ухмылке. – Даже среди нашего начальства человека с таким вкусом не сразу найдешь.

– Надо полагать, – холодно отрезал Тах.

– В эту дверь, пожалуйста, – сказал Блэк.

Тах надвинул шляпу на один глаз и прошел внутрь.

Просторное помещение с длинным столом было заполнено полицейскими, пожарными, людьми в военной форме. Мэр что-то кричал в трубку телефона, но, судя по его взбешенному виду, не мог докричаться. Тах перевел взгляд на дальний конец помещения и прищурился. Сенатор Хартманн о чем-то негромко совещался с группой тузов: Соколицей, Импульсом, Плакальщиком и всей компанией из СКИВПТа.

В присутствии Хартманна Тахиону каждый раз становилось не по себе – несмотря на весь свой либерализм, тот являлся председателем Сенатского комитета по исследованию возможностей и преступлений тузов, того самого СКИВПТа, название которого в эпоху Джозефа Маккарти стало синонимом слова «страх». Теперь законы изменились, но Тахион не желал иметь ничего общего с организацией, которая вербовала тузов для служения интересам власть имущих.

Мэр передал трубку телефона помощнику, и такисианин решительно направился к нему.

– Ваши спецназовцы притащили меня сюда! – загремел он. – Они выломали мне дверь. Очень надеюсь, что город возместит мне ущерб, включая и то, что могут украсть, пока моя квартира стоит нараспашку!

– У нас беда, – сказал мэр, и к нему тут же подскочил помощник с охапкой дорожных карт Нью-Джерси.

Мэр велел разложить их на столе. Тахион продолжал возмущаться.

– Можно было позвонить – и я бы пришел. Ваши громилы даже не удосужились постучать! В этой стране пока что существуют права, гарантированные конституцией, – даже в Джокертауне.

– Мы стучали, – возразил Блэк. – Громко стучали. – Он повернулся к одному из своих подчиненных, джокеру с чешуйчатой коричневой кожей. – Ты свидетель, правда, Кант?

Кант ухмыльнулся крокодильей усмешкой. Тахиона передернуло.

– Точно так, лейтенант.

– А ты, Матиас?

– И я тоже слышал, как вы стучали.

Тахион помотал головой.

– Они. Не. Стучали.

Блэк пожал плечами.

– Доктор, наверное, не услышал – был занят. – Он осклабился. – У него были гости, ну вы меня поняли, да? Одна медсестричка, настоящая красотка. – Он вытащил бумагу с печатями. – В любом случае ордер мы получили на законном основании. Судья Стейнер собственноручно подписал его всего полчаса назад.

Мэр обернулся к Тахиону.

– Мы всего лишь хотели убедиться, что вы не имеете к происходящему никакого отношения.

Тах снял шляпу и принялся томно обмахиваться ею, оглядывая комнату, битком набитую взбудораженными людьми, и среди них – бог ты мой – был и трехфутового роста тираннозавр, который вдруг превратился в совершенно голого мальчика-подростка.

– О чем это вы, милейший? – спросил он наконец.

Мэр пригвоздил его взглядом похожих на две ледышки глаз.

– К нам поступают донесения о происшествии, которое напоминает новую вспышку дикой карты в Джерси.

У Тахиона все сжалось внутри. «Только не это, – подумал он, снова вспомнив те кошмарные недели, тысячи смертей, ужасные увечья, от которых кровь стыла в жилах, безумие, *запах*… – Нет, это невозможно».

Он сглотнул.

– Чем я могу помочь?

– Сорок тысяч в одной группе, – пробормотал генерал, укладывая размер вражеской армии в сознании. – Не исключено, что уже дошли до Принстона. Двадцать тысяч летунов. Возможно, еще столько же рассеяны по округе и стягиваются к Принстону. – Он уставился на андроида. – Есть какие-нибудь соображения, куда они двинутся после Принстона? Филадельфия? Нью-Йорк? К югу или к северу?

– Не могу утверждать наверняка.

Генерал-лейтенант представлял собой островок спокойствия в океане хаоса. Телефоны трезвонили, адъютанты сбивались с ног, а откуда-то снаружи доносились крики. Весть о приземлении в Нью-Джерси полчищ хищных пришельцев, казалось, нисколько не обеспокоила этого худого очкастого человека по фамилии Картер. Он командовал Первой армией США отсюда, из своего штаба в форте Мид, штат Мэриленд.

– Пока что в моем распоряжении только Восемьдесят вторая дивизия и Национальная гвардия, – сказал Картер. – Этого недостаточно, чтобы защищать одновременно Нью-Йорк и Филли. Вот если бы у меня были части морской пехоты из Леджуна… но командующий морской пехотой не хочет отзывать их, так как они входят в силы быстрого развертывания. – Он глотнул клюквенного сока и вздохнул. – Это все издержки перевода армии мирного времени на военное положение. Придет и наше время, вот тогда и поглядим, кто будет смеяться последним.

Андроид сделал вывод, что Рой высадился в четырех местах на территории Северной Америки: в Нью-Джерси, в Кентукки южнее Луисвилля, в окрестностях Макаллена в Техасе, по обеим сторонам от американо-мексиканской границы, а также со значительным разбросом над большей частью территории северной канадской провинции Манитоба. Место кентуккийской высадки тоже находилось в зоне ответственности Первой армии, и Картер дал частям из фортов Нокс и Кэмпбелл приказ действовать.

– На север или на юг? – размышлял вслух Картер. – Черт, знать бы, куда они направляются. – Он помассировал себе виски. – Пора оторвать задницу и действовать, – решил он. – Вы видели, что они двигаются на север. Пошлю в Ньюарк воздушный десант и прикажу Национальной гвардии тоже подтягиваться туда.

К Картеру подскочил очередной адъютант с запиской.

– Ага! – воскликнул генерал, прочитав ее. – Губернатор штата Нью-Йорк попросил всех местных тузов собраться в здании мэрии. Есть идея использовать всех вас в качестве ударных войск. Вы ведь туз, да?

– Я – искусственный интеллект шестого поколения, запрограммированный на защиту общества.

– Так значит, вы – робот? – Вид у Картера был такой, словно он только что это понял. – Вас кто-то собрал?

– Совершенно верно.

Его вежливость была уже практически безукоризненной, а речь – все более лаконичной. Он был очень доволен собой.

Генерал отреагировал мгновенно.

– Вы один или существуют другие такие же? Можно ли собрать таких, как вы, побольше? Здесь, похоже, будет горячо.

– Я могу передать ваш запрос моему создателю. Но не думаю, что стоит рассчитывать на такого рода помощь в ближайшем будущем.

– Тогда передайте ему, пожалуйста. И еще я хочу, чтобы вы поговорили с одним человеком из моего штаба. Расскажите ему о своих возможностях. Таким образом мы сможем более эффективно использовать вас.

– Слушаюсь, сэр.

Андроид попытался говорить четко, по-военному, и решил, что это ему удалось.

– Нет, – покачал головой Тахион. – Это не дикая карта.

Теперь у него было больше сведений, в том числе и фотографии. Никакая эпидемия дикой карты – даже если предположить новый, усовершенствованный вариант вируса – не могла бы привести к таким результатам. «Ну хоть в этом меня не смогут обвинить», – подумал он.

– Полагаю, – продолжал Тахион, – то, что обрушилось на Джерси, – угроза, с которой не раз сталкивалась и моя собственная раса. Эти существа напали на две наши колонии; одну уничтожили полностью, а вторую почти полностью. Потом наши экспедиции расправились с ними, но мы знаем, что остались другие. Это Т'зан-д'ран… – Он наткнулся на непонимающие взгляды. – В переводе это означает «Рой».

Вид у сенатора Хартманна был скептический.

– Не дикая карта? Вы хотите убедить меня, что на Нью-Джерси напали пчелы-убийцы из космоса?

– Это не насекомые. Они скорее ближе к – как это будет?.. – Он пожал плечами. – Они – дрожжи. Гигантские плотоядные дрожжи, обладающие телепатическими способностями и управляемые их гигантской матерью-производительницей из космоса. И очень голодные. Я бы на вашем месте объявил всеобщую мобилизацию.

Вид у мэра стал обреченный.

– Хорошо. Там, внизу, собралось с полдюжины тузов. Я прошу вас спуститься к ним и дать им все инструкции.

Сквозь световые люки в крыше просачивался шум охваченной паникой толпы. Было четыре утра, но, казалось, половина Манхэттена пыталась выбраться из города. Образовалась страшнейшая пробка – ничего подобного город не помнил со Дня дикой карты.

Травничек ухмылялся, проглядывая заметки, которые он впопыхах нацарапал на обертках и пустых сигаретных пачках за время своего долгого творческого запоя.

– Значит, армия хочет получить еще много таких, как ты, да? Хе-хе. И сколько они предлагают?

– Генерал Картер просто проявил интерес. Я уверен, что снабжение не входит в его компетенцию.

Ухмылка Максима сменилась озабоченной гримасой – он поднес свои записи к самым глазам. До чего скверный почерк – прочесть эти каракули совершенно не представлялось возможным. Черт, да что же он там понаписал?

Он обвел взглядом свой чердак, немыслимые завалы разнообразного хлама. Таких записей здесь были тысячи.

– Передай ему, что мне нужно твердое предложение. Скажи, что я хочу десять миллионов за одного робота. А лучше двадцать. Отчисления за использование моей программы. И еще чтобы первый десяток роботов достался мне – в качестве телохранителей.

– Слушаюсь, сэр. В какой срок я могу обещать ему доставку чертежей?

Травничек снова оглядел свой развал.

– Это может занять некоторое время. – Черт, ему придется воссоздавать все с нуля! – Самое главное – вытряси из него твердое обещание, что его ведомство выплатит мне эти деньги.

– Слушаюсь, сэр.

– Но сначала разбери этот хламовник. Мои записи разложишь по кучкам вот здесь.

Он указал на довольно чистый пятачок на одном из своих столов.

– Сэр. Там пришельцы.

– Пришельцы подождут. – Максим хохотнул. – Когда эти твари сожрут половину Нью-Джерси, вояки начнут ценить тебя куда больше.

Бесстрастное лицо андроида не дрогнуло.

– Слушаюсь, сэр.

Он начал убирать лабораторию.

– С ума сойти! – сказал Картер.

Хаос, который окружал его, наконец-то улегся. Тишину в импровизированном командном пункте, устроенном в зале вылетов международного аэропорта Ньюарка, нарушал лишь рев военных реактивных самолетов, изрыгавших солдат и снаряжение. Десантники в мешковатых штанах и недавно появившихся кевларовых шлемах стояли рядом с пузатыми офицерами Национальной гвардии и тузами в комбинезонах. Все ждали, что еще скажет Картер. Тот поднес несколько инфракрасных фотографий к окну, сквозь которое уже начинал просачиваться утренний свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.